

Лариса Джейкман

Угол падения

Лариса Джейкман

Угол падения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614588

ISBN 9785448310782

Аннотация

Илья Сафронов, муж семейства, безумно любящий свою жену Марию, страшно ревнует ее, в отместку изменяет сам и превращает их счастливую семейную жизнь в сплошной кошмар. Страшная катастрофа прерывает все: любовь, ревность и семейную жизнь. Но виноват ли Илья в этой трагедии? Да – утверждает его дочь. Нет – уверен он сам. Так где же та грань, перешагнув которую, человек становится преступником? В этой психологической драме читатель, возможно, сможет найти ответ на этот вопрос...

Содержание

Илья и Майя	5
1	5
2	12
3	20
4	33
5	40
6	48
7	59
8	67
9	78
10	86
11	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Угол падения

Лариса Джейкман

Иллюстратор Ярослав Николаевич Скрипченков

© Лариса Джейкман, 2018

© Ярослав Николаевич Скрипченков, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-1078-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья и Майя

1

...Гроб качался на волнах холодной свинцовой реки. Он был обшит красным бархатом и отделан черными рюшами. Мария стояла на краю шаткого, раскачивающегося во все стороны плота и тянулась за гробом, пытаясь поймать его и притянуть к себе. Она старалась изо всех сил, но дотянуться до гроба не могла. Не удержавшись, Мария резко покачнулась и упала в воду. Маслянистые тяжелые волны накрыли ее с головой, а гроб, качаясь, подплыл к плоту, тяжело ударился о его борт и пошел ко дну...

Илья проснулся в холодном поту и тут же включил ночник. Кошмары мучали его часто, почти каждый день, и сейчас он уже знал, что больше не заснет. Илья взглянул на портрет на стене, и ему стало жутко. Мария смотрела на него, как живая. Огромные грустные глаза, блестящая густая челка, падающая на широкий красивый лоб, прямой изящный нос и едва заметная улыбка на губах. Она всегда была такой, немного грустной, немного загадочной, красивой и нежной.

«Надо убрать отсюда ее портрет, перевесить в гостиную хотя бы», – подумал Илья и потянулся за сигаретами.

Вообще говоря, он не любил курить в спальне, но иногда позволял себе, когда очень волновался или переживал. Как сейчас.

Он встал, натянул халат, подошел к окну и открыл форточку. За окном занималось утро, чуть брезжил рассвет, но небо было все еще темным, мрачным, и предутренняя картина за окном выглядела пока неприветливо.

Илья передернул плечами от легкой прохлады, затушил сигарету и отправился на кухню заварить себе кофе. Проходя мимо спальни дочери, он увидел полоску света у нее под дверью и понял, что она тоже не спит.

Тяжелое чувство обиды, вины и нестерпимого горя вдруг овладело им.

– Господи, когда же это все кончится, – тихо пробормотал он и насыпал кофе в маленькую медную турку, залил его водой и поставил на огонь.

Так всегда заваривала кофе Мария, и каким-то чудом он получался у нее необыкновенно вкусным и ароматным, у Ильи так не получалось. В чем был секрет, он не знал, да и какое это теперь имело значение. Все в его жизни померкло, потеряло смысл, куда-то улетучилось, все хорошее исчезло вместе с Марией. Все!

– Ну вот, я так и знал! – тихо сказал Илья и сдернул турку с плиты, на которой шипел и пенился убежавший кофе.

Запахло паленым. Он выключил газ и вылил остатки подозрительного, буро-коричневого напитка в чашку. Доба-

вил щепотку соли, чайную ложку сахара и стал пить. Было невкусно, но Илья этого не замечал. Он опять закурил и погружился в воспоминания.

Вот они все вместе, втроем с дочерью на побережье, лазурное сверкающее море, теплый песок, легкий бриз. Они идут вдоль берега, держась с Марией за руки, а Майя бежит впереди в голубом коротком сарафане, босиком и смеется. Она машет им рукой, зовет за собой, но им не хочется торопиться.

– Ну побыстрее вы можете? – кричит им дочь.

– Не можем, – отвечает Мария, – не убегай далеко...

Господи, как же давно это было, в той, прошлой жизни, когда они, казалось, были счастливы и полны надежд на самое счастливое будущее. Илья хотел припомнить еще несколько эпизодов, они мелькали у него в голове как быстро меняющиеся слайды, выхватывая то одну картину из прошлого, то другую, но тут вдруг резко хлопнула дверь, и он увидел Майю. В розовой полосатой пижаме она прошла в туалет, даже не взглянув на него. На душе стало неспокойно. Дочь окончательно отдалилась от него и практически не желала общаться.

– Доброе утро, дочка, – сказал он ей, когда она вышла из туалетной комнаты.

Майя бросила на отца холодный равнодушный взгляд и ничего не ответила. Снова хлопнула дверь ее спальни, и Илья понял, что этот выходной он проведет в одиночестве,

Майю он больше не увидит, но разве что случайно на кухне пересекутся.

– Нет, так не пойдет! – сказал он и резко встал.

Подойдя к спальне дочери, он настойчиво постучал в дверь и тут же вошел, не дожидаясь ответа. Майя лежала на кровати, до подбородка накрывшись одеялом и смотрела на него зло и неприветливо. Илья придвинул к ее кровати стул и сел напротив.

– Майя, дочка, за что ты так возненавидела меня? – спросил он тихим голосом, в котором звучали ноты осуждения. – Я же ни в чем не виноват, ты же это понимаешь! Наши с тобой отношения...

– Я ненавижу тебя за то, – прервала его Майя на полуслове, – что ты убил маму! Ты – убийца, и ты это прекрасно знаешь!

Илью передернуло от ее слов. Они прозвучали так хлестко, так жестоко, что повергли его в отчаяние. Он даже застыл.

– Перестань, я прошу тебя! Ты несправедлива ко мне, как ты можешь кидать мне в лицо такие обвинения? Ведь было же расследование, результаты которого тебе известны. Я не убивал ее, я спасал твою жизнь, Майя.

– Уходи! Я больше ничего не хочу слышать, – четко, с расстановками сказала она.

– Нет, я никуда не уйду до тех пор, пока ты хотя бы не попытаешься понять меня.

Илья смотрел на дочь глазами, полными ужаса и мольбы. Он хотел достучаться до нее, найти хоть малейший отклик в ее душе, но все было напрасно. Она зажмурила глаза, натянула одеяло почти до бровей и отвернулась к стенке. Это означало, что разговор окончен. Илья посидел еще несколько минут и, ни слова не говоря, вышел из ее спальни.

Вот так он теперь общался со своей единственной дочерью, которая совсем недавно души в нем не чаяла, а он любил ее той преданной отцовской любовью, которую все дочери, наверное, воспринимают как само собой разумеющееся чувство.

С самого раннего детства Майя видела в отце своего старшего друга, советчика, спасителя от всех бед и помощника во всем. Что бы ни стряслось, Майя в первую очередь бежала к отцу, и он ей помогал, выручал, поддерживал. А сейчас он стал ей врагом! Все перевернулось с ног на голову, он терял дочь, и это ощущение чуть ли не сводило его с ума. Ушла из его жизни Мария, единственная женщина, которую он по-настоящему любил, а теперь вот Майя так жестоко и безжалостно отстраняет его от себя, обвиняя в таком страшном грехе, что и подумать жутко.

Илья уже несколько раз старался объяснить с Майей, но все его попытки неизменно терпели фиаско. Она категорически отказывалась слушать его, и все его объяснения как будто не доходили до нее. Илья подсознательно чувствовал свою вину перед ней, он искал пути к сближению, хотел

во что бы то ни стало растопить ледяную стену, которая встала между ними. Но стена эта становилась все толще и толще, и отца охватило отчаяние.

Илья принес в кухню увесистый телефонный справочник и стал листать его.

«Психотерапевтический центр им. академика Павлова», – прочитал он.

– Так, это на Калининском бульваре. Прекрасно, надо записаться, – сказал он сам себе и пошел в свою спальню.

Набрав номер телефона, он удивился, что ему тут же ответили. Была суббота и довольно ранний час, а клиника была уже открыта. С ним приветливо побеседовали и назначили время приема. Отчаявшемуся совсем мужчине казалось, что беседа с психотерапевтом поможет ему разобраться в мотивах поведения дочери, а самое главное – найти путь к сближению с ней. Он уже понял, что сам он не справится, ему нужна помощь специалиста.

Илья вышел на улицу. До приема было еще много времени, но оставаться дома ему совсем не хотелось. Он зашел в кафе на углу и плотно позавтракал. Готовить он не любил, и Майя себя этим не утруждала, поэтому питались они последнее время в основном яичницей и бутербродами. Два-три раза в неделю Илья ходил в кафе и ел по-человечески. Он знал, что и Майя тоже питается в общепите, в основном в школьной столовой. Ему было жаль дочь, но выхода он не видел.

«На лето отправлю ее к бабушке в Подмоскowie, там ее откормят как следует», – думал Илья и на том успокаивался.

Следующий год у Майи будет выпускным, а потом институт. И еще пять лет учебы. Ему очень хотелось выучить дочь, дать ей хорошее образование, и раньше они часто обсуждали эту тему: куда пойти учиться. Но сейчас Майя замкнулась в себе, проронив, правда, однажды:

– Когда закончу школу, я уеду от тебя навсегда.

Илью больно резанули ее слова, но он ничего не ответил. Пусть поступает как знает. Время их рассудит, а он, Илья, бессилен что-либо сделать или предпринять.

Побродив по городу после завтрака, Илья отправился на Калининский бульвар и тут же пожалел, что не поехал на машине. Задул холодный ветер, и стал накрапывать мелкий ледяной дождик. Весна в этом году наступала медленно и неохотно, то просыпалась было и согревала всех своим теплом и лаской, то опять засыпала, и тогда последние отголоски зимы тут же охладили землю и воздух, наполняя его если и не снегом, то промозглым холодным дождем.

Илья поднял воротник плаща и зашагал быстрее. Ходьбы было минут двадцать, и когда наконец он вошел в просторный, сияющий чистотой холл клиники, с него буквально стекали струйки дождевой воды. Он снял плащ, стряхнул его слегка и повесил на вешалку у входа. В регистратуре он поинтересовался, куда ему следует пройти, и молоденькая медсестричка проводила его на второй этаж и указала на стул.

– Присядьте пожалуйста. Вас пригласят, – сказала она.

Илья уселся поудобнее и огляделся вокруг. На двери напротив была прибита табличка: «Колпакова Галина Ивановна».

«Мне, наверное, к ней», – подумал Илья и стал просматривать журнал, оставленный кем-то на соседнем стуле.

Честно говоря, он плохо представлял себе, о чем он будет говорить с врачом. Ему предстояло поделиться своими про-

блемами в отношениях с единственной дочерью, но для этого нужно было рассказать всю историю, то есть начать с самого начала, со смерти Марии. Задача была не из простых.

— Господин Сафронов, пройдите пожалуйста в кабинет, — услышал он и встал.

Его и правда приглашали в кабинет Колпаковой. Илья нерешительно вошел и увидел женщину, сидящую за столом в ожидании пациента. Пару секунд они смотрели друг на друга, и вдруг глаза Галины Ивановны вспыхнули, она улыбнулась и проговорила:

— Вот кого не ожидала увидеть! Илюшка, привет!

— Галя?! — спросил в свою очередь Илья, узнав в женщине свою одноклассницу Галину Дорохину, с которой он несколько лет просидел за одной партой, в которую был когда-то влюблен, и которая позже стала его первой женщиной.

Нельзя сказать, что они любили друга, во всяком случае Илья без всякого сожаления расстался с ней, когда познакомился с Марией.

Галя училась тогда в медицинском, а Илья в педагогическом на Физкультурном факультете. Он был отменным пловцом, занимался этим видом спорта с пяти лет и решил посвятить этому свою жизнь. Учась на третьем курсе, он уже работал тренером по плаванию, готовил молодое поколение пловцов, к тому же был участником многочисленных соревнований, многие из которых приносили ему огромный успех, как неоспоримому победителю. В плавании на короткие ди-

станции ему вообще не было равных, он преодолевал их порой за такие считанные секунды, что хоть на мировое первенство посылай запрос.

Илья был видным, высоким, мускулистым. Лицо его не отличалось особой красотой: массивный подбородок, небольшие, глубоко посаженные глаза, прямой нос и неизменный ежик очень светлых жестких волос. Но тем не менее девушки всегда симпатизировали ему. Илья это видел, очень часто отвечал им взаимностью, и поэтому наверное их отношения с Галиной складывались не самым лучшим образом. Она постоянно ревновала его, они порой ссорились и наконец расстались.

Хотя основной причиной их разрыва была встреча с Марией. Эта девушка покорила его сразу и всерьез. Он признался в этом Галине и сказал, что они должны расстаться немедленно, на что она тогда ответила ему:

– Не беспокойся, я скоро забуду про наше любовное приключение, но я никогда не прощу тебя, Илья, за предательство и измену.

Больше они с Галиной никогда не встречались, и до сегодняшнего дня он и понятия не имел, как сложилась ее судьба.

– Вот это встреча! – снова сказал Илья, усаживаясь на стул напротив своей бывшей подружки.

Она внимательно разглядывала его, слегка улыбаясь и качая головой.

– А ты еще больше возмужал, изменился как-то. Я наверное и не узнала бы тебя, встретив на улице. Ну как живешь? Что привело ко мне?

Илья смутился. Он понял, что ему придется все рассказать Галине о случившемся, и он пожалел, что пришел.

– Видишь ли, – сказал он наконец, – у меня такое несчастье, что в двух словах не расскажешь. Одним словом, я потерял жену, она погибла. А моя дочь Майя обвиняет меня в том, что я виноват в ее смерти, понимаешь? Она зациклилась на этом, возненавидела меня... короче, я теряю дочь, а это все, что у меня осталось дорогого в этой жизни. Мне нужна помощь, Галка, самому мне не справиться.

– Та-а-а-к, вот это новости. Значит, Марии больше нет, – очень тихо произнесла Галина и спросила, помолчав: – и что же случилось? Авария, катастрофа?

– Авария. Мы разбились на машине, слетели с моста, не по моей вине, конечно. Водитель грузовика вырулил на встречную полосу, уснул за рулем, скорее всего, ну и бортанул нас... короче, об этом ужасе лучше не вспоминать.

– А как же вы с дочерью спаслись?

– Ну в том-то все и дело. Я сумел сгруппироваться и практически не пострадал при падении. Когда мы упали в реку и ушли под воду, я видел, как Мария, которая сидела рядом со мной, ударилась виском, сразу же пошла кровь, сознание она потеряла, а скорее всего, просто умерла от удара и пролома виска. Я повернулся назад, посмотрел на Майю и увидел

ее расширенные от ужаса глаза, она инстинктивно пыталась кричать и захлебывалась, но уж точно была жива. На размышление у меня было не больше секунды, я стал спасать ее. Мне удалось вытащить Майю из машины. Но когда мы поднялись на поверхность, она уже практически захлебнулась. На наше счастье Скорая оказалась рядом, они начали отхаживать Майю, а я вновь нырнул, уже за Марией.

– И что?

– Да ничего, было поздно. Я вытащил ее, конечно, но мертвую. Врачи констатировали смерть от черепно-мозговой травмы, кровоизлияния и большой потери крови. Надежды не было никакой. Да ее не было и самого начала, честно говоря. Но я все же до последнего надеялся на чудо, которого не произошло.

– Почему Майя обвиняет тебя? Ведь ты спас ей жизнь...

– Понимаешь, я думаю, это своего рода психологический шок. Она никак не может понять, что двоих сразу я вытащить бы не смог. А раз у Майи было намного больше шансов выжить, естественно, я стал спасать ее.

– Я это понимаю, – сказала Галина, – но почему дочь твоя не хочет это принять? Да, кстати, когда это случилось?

– Прошлым летом.

– А где? Не в нашем же городе, я по крайней мере ничего такого не слышала.

– Мы отдыхали в Сочи, там и произошло. Ездили на Ореховский водопад, а когда возвращались, решили еще в Ри-

вьеру заехать, ну на Ривьерском мосту и...

– Ладно, не продолжай, – сказала Галина, – я вижу, как тебе тяжело вспоминать об этом. Ну и что Майя? Сколько ей лет сейчас?

– Шестнадцать, в следующем году заканчивает школу и собирается уехать от меня навсегда. Помоги мне, Галочка! Подскажи, как себя вести, как разговаривать с ней, что говорить вообще. Поверь, я пытался много раз, но она не хочет ни слушать, ни понять. Я в отчаянии.

– Да, задача не из простых. Знаешь что, оставь ее пока в покое. Вообще не разговаривай с ней ни о чем, не пытайся привлечь к себе внимание. Оставайся как бы в тени, но будь по возможности всегда рядом. Она сама к тебе обратится рано или поздно, сначала ее просьбы будут короткими, односложными. Отвечай ей так же. Но постепенно она изменится.

Илья взирал на Галину недоверчиво. Ему казалось, что такой простой стиль поведения вряд ли может что-то изменить в их отношениях с дочерью. Он спросил:

– А почему ты думаешь, что это поможет? Если я с ней открыт и доброжелателен, она отчужденна и замкнута в себе, а если я надуюсь как мышь на крупу, она вдруг проникнется ко мне доверием? Что-то не вяжется.

Но Галина разубедила его:

– А ты не дуйся как мышь на крупу. Веди себя естественно, как человек ни в чем не повинный. Будь просто самим собой. Это самое большое доказательство твоей невиновно-

сти в гибели жены. Она поймет это, почувствует, и со временем смирится с этой мыслью.

Они еще долго проговорили, Галина дала ему кассету для аутотренинга, чтобы для начала привести в порядок свои мысли и свести страдания до минимума.

– Не терзай себя, Илюша. Смирись со смертью жены и помни, что любой здравомыслящий человек на твоём месте повел бы себя точно так же.

Илья поблагодарил свою бывшую подругу и распрощался с ней. Напоследок она сказала ему:

– Приведи ко мне Майю, если сможешь. Я постараюсь настроить ее на правильную волну.

Он вернулся домой и встретился в коридоре с дочерью, которая стояла в дверях своей спальни, прислонившись к косяку, и смотрела на него в упор.

– Привет, – сказал он неуверенно.

– Мне нужны деньги, – произнесла она в ответ.

– Зачем... то есть, сколько, я хотел сказать, – все так же робко ответил Илья.

Нет, не получалось у него быть спокойным и уверенным в себе. Под пристальным взглядом Майи он робел и терялся.

– Сто долларов. Завтра утром.

С этими словами она повернулась и захлопнула за собой дверь.

Илья тихо чертыхнулся, понимая свое незавидное положение, и прошел на кухню. «Зачем ей такие деньги? Ну как

я могу их дать, не спросив зачем?» – думал Илья, наливая в стакан минералки. Девочке-школьнице сто долларов на карманные расходы слишком много, это ясно, значит они нужны ей на какую-то покупку, скорее всего.

Илья взял листок бумаги и написал дочери записку:

«Майя, прости, но я не могу дать тебе такую большую сумму, не спросив, зачем. Если считаешь нужным объяснить мне, тогда решим. Если нет, извини. Отец»

Он оставил записку на столе и ушел к себе. Есть ему не хотелось, он улегся с газетой, да еще и телевизор включил. Он слышал, как вышла из своей комнаты Майя и прошла на кухню. Она пробыла там довольно долго, ужинала скорее всего, значит и записку прочитала. Илья ждал, что она зайдет к нему, чтобы ответить на его вопрос, но она не появилась. Дверь ее спальни закрылась, а вскоре щелкнул выключатель, значит, она легла спать.

– Ну что ж, на нет и долларов нет, – тихо проговорил Илья и убавил звук телевизора.

На следующий день, несмотря на воскресенье, Илье с утра нужно было появиться на экстренном тренерском совете. Решался вопрос об усилении режима тренировок для пловцов, отправляющихся в мае на соревнования. Нужно было отобрать и состав команд по положению четыре юноши и четыре девушки. В зачет шли три самых лучших результата. Задача была не из простых. Вся ответственность за подбор команд ложилась на него, а ему было совсем не до этого.

Неделю назад ему звонили из городской администрации с настоятельной рекомендацией отправить на соревнования Золотореву Арину, дочку заместителя мэра города. Арину можно было рекомендовать, конечно, но в тройку финалистов она вряд ли войдет. А тогда у него будут неприятности: плохо тренировал, уделял недостаточно внимания и тому подобное. Да и потом, были пловчихи гораздо лучше Арины, но, как говорится, не ему решать.

Илья поднялся с постели в неважном настроении. Да еще Майя со своей просьбой. Она ему так ничего и не объяснила, и Илья решил сам на разговор не выходить.

Зайдя на кухню, он увидел свою записку на столе, на ней Майя приписала:

«Спасибо, обойдусь и без твоей благотворительности».

Илья скомкал записку и выбросил ее в мусорное ведро.

Не хочет, не надо. Идти на поводу у дочери в этом вопросе он не собирался. Но на душе все равно было скверно. А что, если эти деньги необходимы ей на что-то очень важное, а он уперся? Но на что? Так и не придя к правильному выводу, Илья разозлился окончательно. Он не стал завтракать, наскоро собрался и ушел из дома.

На работе он отвлекся немного от своих грустных мыслей, там разгорелся ожесточенный спор по поводу кандидатов, и Илья внимательно выслушивал доводы своих коллег относительно кандидатур. Решающее слово все равно было за ним, а он так и не решил, выдвигать Золотореву или нет. За нее выступило всего два человека, да и то не очень авторитетных. Выбрав Арину, придется пожертвовать кем-то, но кем? Над этим и размышлял Илья, когда его неожиданно пригласили к телефону.

– Илья Сафронов? – услышал он в трубке незнакомый мужской голос.

– Да, это я. С кем имею честь?

Илья сразу же подумал, что звонят из городской администрации по поводу Арины, но он ошибся.

– Меня зовут Филипп, я имею к вам важный разговор. Не могли бы мы встретиться сегодня ближе к вечеру?

– Какой разговор? Если вы насчет Арины, то решение еще не принято, тренерский совет не закончен, но думаю...

Его тут же прервали:

– Арину я не знаю, и меня она не интересует. Речь пойдет

о вашей дочери. Поверьте, это серьезно.

– О, господи! Кто вы, что случилось? – встревоженно спросил Илья.

– Ничего пока не случилось. Жду вас в шесть на площади у памятника Горькому.

Незнакомец повесил трубку, а Илья тут же набрал домашний номер телефона. Сердце его неистово колотилось, он никак не мог унять дрожь. Майя подошла к телефону минуты через две. Все это время Илья переминался с ноги на ногу и мысленно умолял дочь ответить на его звонок.

– Слушаю! – с раздражением в голосе ответила Майя.

– Ты дома? У тебя все в порядке? – нервно спросил Илья.

Майя выдержала паузу и нехотя ответила:

– Что тебе нужно?

– Да так, ничего. Просто... Послушай, Майя, ты не хочешь сходить куда-нибудь поужинать сегодня вечером? Давай сходим в кафе или в ресторан. Я хоть покормлю тебя как следует. Как ты на это смотришь?

Майя усмехнулась и ответила:

– Я с тобой никуда не пойду. Ты это прекрасно знаешь и прекрати свои дурацкие уловки. Я сыта. По горло.

И она бросила трубку. Илья чертыхнулся и в ужасном настроении вернулся на заседание совета.

– Так, – сказал он твердо и зло, – давайте прекратим все наши прения. Вводим в состав всех, кого наметили и Золотореву. Вместо Вики Смирновой. У нее техника слабовата,

пусть поработает еще.

Все притихли, удивленно переглянулись, и кто-то заметил:

– Ну а Золоторева что? Куда ее результаты годятся? Вы же сами говорили...

– Я сказал, прекратим прения. Я сам Ариной займусь. И давайте по домам. Воскресенье все же.

Илья вышел из кабинета и отправился в душ, решил поплавать немного, это его всегда успокаивало и отвлекало от нехороших мыслей. Странный телефонный звонок, грубый ответ дочери, неправильно подобранный состав команды – все раздражало и нервировало его. Наступал душевный кризис, Илья чувствовал это и пытался противостоять.

В шесть часов вечера он стоял у памятника Горькому и оглядывался по сторонам. Неожиданно к нему подошел щеголеватого вида молодой мужчина в длинном кожаном пальто, в ковбойских сапогах и с длинными волосами, забранными сзади в конский хвост. На нем были джинсы и вязаный пуловер под плащом.

«Коня только не хватает и ковбойской шляпы!» – мелькнуло у Ильи в голове, а мужчина тем не менее поздоровался и даже протянул для приветствия руку.

– Филипп Уваров, здравствуйте, Илья Петрович, – проговорил он.

– Приветствую вас, – нерешительно ответил Илья и пожал протянутую ему руку.

– Вас удивляет мой приход, я понимаю. Буду краток. Разговор пойдет о Майе, она хочет снять у меня квартиру, но не объясняет, почему. Дело в том, что я недавно женился и переехал к жене, моя однокомнатная квартира на Московской улице пустует, я ее сдаю. А совсем недавно ко мне обратился один мой знакомый, Николай Теплицын, и говорит, что Майя Сафронова ищет жилье, куда бы съехать от отца. Я сразу же согласился, но когда увидел Майю, понял, что она еще школьница, меня это насторожило, я уговорил Николая дать мне ваш телефон, чтобы переговорить. Вы согласны на переезд дочери?

Всю эту тираду Филипп выдал Илье на одном дыхании, без остановок. И Илье не сразу вспомнил, кто такой Николай Теплицын. Прошло не менее трех минут, пока он сообразил, что этот самый Теплицын – его бывший ученик, он тренировал его в течение нескольких лет, но парень вдруг неожиданно бросил спорт и поступил в педагогический на отделение иностранного языка.

Майю он знал, так как она тоже занималась в бассейне, но Илье и не предполагал, что они поддерживают отношения.

– Вы знаете, Филипп, – наконец ответил он, – все это для меня, как снег на голову. У нас с Майей отношения сложные, но уходить из дома в ближайшее время она не собиралась. И к тому же, как она будет вам платить? Я не согласен с ее уходом из дома, пока она учится в школе, поэтому платить

не намерен, а у нее денег нет, как вы понимаете.

— Я так и думал, — подытожил Филипп. — Ну что ж, все ясно. Тогда отказ? А что, если она все-таки будет настаивать? Вы же понимаете, что в наше время сдавать квартиру лучше кому-то по рекомендации, мне бы не хотелось упускать такой шанс.

— Послушайте, вы! Она еще несовершеннолетняя! Как она может настаивать на чем-то, если она неплатежеспособна? Это для этих целей она выпрашивала вчера у меня сто долларов? — вспыхнул Илья.

— Понятия не имею. И вот что, — ответил Филипп, — вы не возмущайтесь пожалуйста, но я сдам ей все же свою квартиру, если она заплатит за полгода вперед, а если нет, я ей так и скажу, что вы категорически против. Идет?

Илья был в бешенстве.

— Да как вы можете согласовывать со мной такие вещи? Я уже сказал, что я против! Поставьте меня в известность, если она будет согласна вам заплатить, так как эти деньги будут добыты ею... ну я не знаю, каким-нибудь неверным путем.

— Хорошо, — неожиданно согласился собеседник. — Как вы понимаете, речь идет не о ста долларах, а о значительно большей сумме. Я не буду рисковать, мне проще отказать.

На том они и расстались. Филипп галантно раскланялся и быстрым шагом удалился. Илья остался в полной растерянности и недоумении. Значит, Майя решила уйти от него прямо сейчас, не дожидаясь окончания школы. Он направился

домой.

В окнах их квартиры горел свет, значит дочь была дома. Он настроил себя на решительный разговор и, резко постучав в дверь ее комнаты, тут же распахнул ее. Но он так и остался стоять в дверях, ошарашенный увиденным. Майя сидела на кровати в нижнем белье, совершенно пьяная и с бокалом вина в руке. Тут же в комнате находилась полуголая девица и парень, тоже почти раздетый. Свет был притушен, в комнате царил полумрак, тихо играла музыка, и троица наслаждалась обществом друг друга, даже не заметив, что в комнату вошел Илья.

Он щелкнул выключателем, ярко вспыхнул свет, и все трое зажмурились, нехотя повернув головы в его сторону.

– Привет, – тихо сказала девица, а Майя только небрежно хмыкнула и поставила бокал с вином на подоконник.

Парень потянулся было за джинсами, но наглая девица вдруг встала на них и сказала:

– Успокойся, Макс, я тебя умоляю. – Потом повернулась к Илье и вдруг заявила: – Присоединяйтесь. Хотите сначала выпить или... – и она направилась в его сторону вульгарной вихляющей походкой.

– Что здесь происходит? Что за бардак?! – рявкнул Илья.

– Бордель, ты хотел сказать. Это групповуха, папочка. Ну развлечение такое. Ты бы не мешал, а? – сказала Майя и, подойдя к парню, вдруг обняла его, смотря на отца через плечо наглым вызывающим взглядом.

Девушка тем не менее приблизилась к Илье и мерзко обвела языком свои вульгарные полные губы. Ее большая грудь почти касалась его, он даже чувствовал запах ее тела, молодого, полного, разгоряченного.

– Проходи, чего встал, – сказала она и протянула было руку.

Илья схватил девушку за запястье и отшвырнул от себя.

– Дрянь! – сказал он. – Немедленно одеться и вон из моего дома, чтобы духу вашего здесь не было через пять минут. А ты, – это уже Майе, – марш в ванную сию минуту.

С этими словами он подошел к дочери, схватил ее за плечо. Она слегка вскрикнула, видимо от боли, и Илья подтолкнул ее к двери. Проходя мимо парня, сидящего на полу и пытающегося все же натянуть на себя джинсы, Илья не удержался и больно пнул его ногой.

– Поосторожней, папаша, я тоже так могу, – проскулил парень.

– Я тебе сейчас все зубы выбью, щенок. Вон отсюда, ублюдок! Не дай бог еще хоть раз попадешься мне на глаза.

Парень испуганно вскочил и отпрыгнул в сторону. Илья подошел к двери ванной и услышал, как шумит вода, Майя принимала душ. Ее приятели еще минут пять препирались, одевались, наконец вышли из комнаты и со словами «Как жаль, что вы нам помешали» удалились из квартиры. Говорила, правда, девушка. Парень ретировался к двери и сам быстренько открыл ее.

После их ухода Илья снова зашел в комнату дочери. Он насчитал несколько пустых бутылок, валяющихся на полу, и обнаружил пустую пачку от презервативов. Его стошнило.

«Как же так? Майя была такой скромной, такой порядочной девчонкой. Никаких парней, никаких свиданий, и вдруг такое! А как вызывающе она вела себя! Пьяная, бесстыдная, полураздетая и без тени смущения! Нет, это все бравада!» – успокаивала себя Илья. Но ему было нестерпимо больно и обидно за то, что дочь позволила себе такое поведение в его присутствии. Это означало, что он для нее не значил ничего, ровным счетом ноль!

Минут через пятнадцать Майя, как ни в чем не бывало, вышла из ванной и обратилась к отцу:

– Знаешь, не обращай внимания на все это. Мы просто разыграли тебя. Но я и сама поняла, что это чересчур.

Илья удивился в душе такому доверительному тону и спокойному голосу, каким разговаривала с ним Майя. И все же он не поддался сразу.

– А это что, позволь тебя спросить? Тоже розыгрыш? – строго спросил он дочь и показал ей смятую обертку от презерватива.

Майя усмехнулась, покраснела и ответила:

– Ну да. Все подстроено. Не было у нас ничего такого... я же говорю тебе. Если бы уж мы занимались чем-нибудь подобным, то не здесь, уверяю тебя, но...

Илья ее перебил:

– А где же? На квартире, которую ты собиралась снять? Для этих, видимо, целей ты вознамерилась съехать, да? Но учти, я категорически против. Ты будешь жить здесь, со мной до тех пор, пока не закончишь школу, как минимум. Потом решай сама. Исполнится восемнадцать, вот тогда и скатертью дорога. А до того времени я несу за тебя полную ответственность.

– Папа, не устраивай истерик. Съеду тогда, когда посчитаю нужным. Откуда ты знаешь про квартиру?

Майя говорила спокойно, без гонора, чем немало озадачила привыкшего к ее высокомерию отца. Он тоже решил перейти на спокойный тон и ответил:

– С Филиппом встречался. Он сам меня нашел и интересовался, согласен ли я на твой переезд, и как ты собираешься платить ему.

– Вот как? Ну тогда понятно. Ладно, остынь. Я пока никакого решения не приняла, буду потихонечку заканчивать школу, обещаю вести себя прилично, но и ты будь добр, оставь меня в покое со своим опекунством. А то видишь, что может получиться от излишнего пристального внимания? Это тебе урок.

Илья все же разозлился.

– Мне кажется, что я такого урока не заслужил. Я хорошо, очень хорошо отношусь к тебе. И делаю все, чтобы наши отношения были нормальными. Да, у нас случилось горе, мама погибла. Но тебе ли не знать, как?! Или ты думаешь, что мне

легче, чем тебе, пережить ее потерю?!

Лицо Майи опять вдруг приобрело враждебное и даже злое выражение, она прикусила нижнюю губу, сощурила глаза и ответила тихо:

– Да, мы оба знаем как и почему она погибла. Я только не знаю, зачем?

– Что «зачем»? – недоуменно спросил Илья.

– Зачем ты это сделал? Ты меня не обманешь, а свою сказку про ее трагическую гибель в аварии оставь для других. Это твоих рук дело, и это все меняет в наших с тобой отношениях. Тебе просто не повезло со мной, так как мне не три года. Я все поняла. А не доношу на тебя только потому, что ничего не смогу доказать.

Илья без сил опустился на стул.

– Послушай, это уже переходит всякие границы. Майя, ты вводишь себя в заблуждение, ты как под каким-то гипнозом. Я невиновен, уясни это и прекрати терзать себя и меня. Мама умерла почти сразу же, как наша машина ушла под воду, умерла от сильного удара виском, от так называемой черепномозговой травмы. Поэтому я и стал вытаскивать тебя, так как ты была жива. У меня не было выбора, черт возьми...

– Чушь! – безапелляционно заявила Майя, глядя на отца холодным, ненавидящим взглядом. – Мама была жива, когда ты тащил меня из машины и прежде, чем вытащить меня наверх, ты сделал так, чтобы она не смогла спастись.

Разговор в очередной раз зашел в тупик. Но Илья не сда-

вался.

– Майя, я не вижу смысла в том, чтобы продолжать обсуждать весь этот бред. Но у меня к тебе есть предложение. Я на днях был у психотерапевта на консультации. Поговорил с врачом, обрисовал нашу ситуацию и попросил совета, как выйти из конфликта. Она дала мне несколько дельных советов, но еще она хотела бы пообщаться с тобой. Чувствуется, что умная женщина, профессионал, одним словом. Кстати, моя одноклассница бывшая. Сходила бы ты к ней. Хуже не будет, а объяснить и прояснить тебе многие вещи она сможет лучше меня.

Майя подумала немного и вдруг неожиданно согласилась:

– Ну что ж, пожалуй я схожу. Скажешь потом, куда и к кому. А пока все на этом. Я спать пошла. Давай установим в доме режим мирного сосуществования, но без дружеских взаимоотношений. У меня это все равно не получится, и ты не тужься. Ни к чему это.

Илья пожал плечами и лишь проронил:

– Лучше худой мир, как говорится.

– Вот именно, – ответила Майя и ушла к себе.

И все же Илья немного приободрился. Хоть какой-то конструктивный разговор. Уже несколько недель он не мог найти с дочерью общего языка, она была замкнута, раздражительна, груба. А тут все же хоть и не прежние добрые отношения, но и не открытая война. Огорчала его, конечно, ее непристойная выходка и ужасные обвинительные речи, но он

подумал, что не все сразу. Пройдет время, и это как-нибудь утрясется. А если она сходит к Галине Колпаковой на прием, то та, возможно, сможет поставить ее мозги на место, и Майя посмотрит на все другими глазами. Илья очень надеялся на это.

Затем он переключил свои мысли на работу. Ответственность, которую он сам взвалил на свои плечи, тоже угнетала его. Он должен привести Арину к финишу хотя бы третьей, а то ему неприятностей не обернуться. Арина занималась плаванием давно, лет с восьми, и только это делало ее более менее сносной пловчихой. Но она никогда не блистала результатами, несмотря на отработанную технику. У нее просто не было таланта, как она ни старалась. Короче говоря, была весьма нерезультативной. Все об этом знали и всерьез Арину не воспринимали. Но вот руководители из администрации города хотят видеть ее звездой! Ну как же, папенькина дочка, нужно обязательно быть на первых ролях.

Майя сидела в ожидании приема напротив двери кабинета Колпаковой. Она сохраняла хладнокровное спокойствие и шла к врачу совсем не за лечением. Ее основной целью было открыться кому-нибудь, рассказать о том, что знает только она, ну не считая отца, конечно, и просить о помощи.

Минут через пять ее пригласили. Майя уверенно переступила порог кабинета и поймала на себе заинтересованный, изучающий взгляд посторонней женщины, к которой у Майи почему-то не появилось никакого доверия.

«Противная тетечка», – мелькнуло у Майи в голове, и она, не поздоровавшись, прошла и села на стул.

– Добрый день, Майя, – сказала врач тихо и с растяжкой.

– Здравствуйте! – нарочито громко ответила девушка.

В глазах Колпаковой промелькнула усмешка. Она опустила глаза и стала что-то сразу же записывать в большой развернутый журнал.

– Что вы пишете? Первые впечатления о клиентке фиксируете? – спросила Майя.

– Нет. Просто вспомнила кое-что из того, что мне рассказал твой отец. Вот и пишу, чтобы поговорить с тобой об этом.

– Интересно, наверное. Но у вас не получится поговорить со мной по душам. Тем более о том, о чем вы говорили с моим отцом.

Доктор Колпакова не смутилась. Она продолжала писать, как ни в чем не бывало, а когда закончила, сказала:

– Итак, Майя. Ты, как я понимаю, пришла ко мне за тем, чтобы я помогла тебе найти путь, как вывести отца на чистую воду, не так ли?

Майя невольно вздрогнула и удивленно, слегка приоткрыв рот, посмотрела на Колпакову. Ответить она не успела, так как Галина Ивановна тут же продолжила:

– Это очень просто, девочка. Тебе всего лишь нужно написать заявление и отнести его в милицию. Начнется следствие, ты будешь проходить по нему главным свидетелем, будешь рассказывать, доказывать, объяснять, обвинять своего отца. Ну а там видно будет. Сочтут Илью Петровича виновным, отдадут под суд. Ты выступишь на суде, расскажешь все, что знаешь, ну и судья вынесет приговор.

Майя сидела, вобрав голову в плечи. Она явно не ожидала такого хода, она думала, что врач начнет проводить с ней нудную беседу о том, что она, Майя, еще ребенок, поэтому должна доверять своему отцу, который кроме добра ничего ей не желает. И тогда Майя вдруг попросит ее найти ей человека, который отнесется к ее проблеме более серьезно и выслушает все, что она знает о смерти своей матери.

Но Колпакова взяла инициативу в свои руки и буквально обескуражила ее, начав разговор на эту тему сама, не дав Майе даже рта раскрыть.

– Почему ты молчишь? – спросила Колпакова. – Ты уме-

еешь говорить?

Майя прокашлялась и спросила:

– Как пишется это заявление? На имя кого?

Тут уж не на шутку удивилась Галина Ивановна.

– Даже так? Ну это вопрос не ко мне, Майя. Скажи, а что движет тобой, что заставляет тебя идти на такую крайнюю меру? Ты что, действительно уверена в том, что твой отец виновен в гибели...

– А вы думали, я ненормальная, да? Решили, что я от горя рассудок потеряла и клевету на уважаемого Илью Петровича? Нет, я просто бессильна в данной ситуации, так как не знаю, с чего начать и к кому обратиться.

Галина Ивановна закрыла свой журнал, отодвинула его в сторону и внимательно посмотрела на сидящую перед ней девушку. Та вдруг показалась ей очень взрослой, серьезной и действительно озабоченной, причем озабоченной давно. Печать неразрешимых проблем отражалась в ее колючем, совсем не девичьем взгляде, губы были сомкнуты, и две резкие складки пролегли от губ к носу. Волосы были забраны в пучок на затылке, и весь ее облик не соответствовал ни возрасту, ни статусу юной школьницы.

– Скажи, Майя, ты давно носишь такую прическу? – вдруг спросила Колпакова.

– С тех пор, как мамы не стало, я не очень слежу за собой. И пока я не добьюсь правды, мне все равно, как я выгляжу.

– А зачем она тебе, эта правда? Ты что, так жестоко нена-

видишь своего отца, что готова испортить ему жизнь по всем статьям? Тебе станет легче, если он окажется в тюрьме?

– Нет, не легче. Даже тяжелее, наверное, но вы ведь ничего не знаете, вас не было там, когда он...

Майя не договорила, она вдруг закрыла руками лицо и заплакала. Галина Ивановна поднялась со своего места, подошла к девушке и приобняла ее.

– Послушай, девочка. Я знаю твоего отца очень давно, мы были друзьями еще со школы. Илья очень порядочный человек, настоящий мужчина. Его всегда и везде любили и уважали. Причем все, и учителя, и друзья-приятели. Есть вещи, которые нельзя сбрасывать со счетов никогда. Такой человек, как Илья, не может принести вред другому, тем более, любимому человеку.

Майя достала из кармана платок, вытерла слезы и повторила свои слова:

– Вас там не было. Поэтому вы и не знаете, что этот уважаемый вами мужчина убийца.

– Хорошо, допустим. Тогда почему же этого не обнаружили те, кто разбирался с последствиями катастрофы? Ведь в принципе факт убийства установить довольно легко. Я уверена, что тело твоей мамы было тщательно обследовано. Были найдены следы насильственной смерти?

– Скорее всего, да. Но доказать это было невозможно, и разбираться не стали. А я видела, я знаю, как он убил.

Колпакова не поддавалась на настойчивые заверения па-

циентки. Или делала вид, что не поддается. Она налила в стакан воды, накапала капель и протянула Майе.

– На, выпей. Не нужно здесь рыдать и давать волю своим чувствам. Я думаю, тебе нужно все выбросить из головы. Если готова, я могу тебе помочь. Очень скоро ты снова почувствуешь себя хорошо, тяжелые мысли перестанут терзать тебя, и ты успокоишься. Более того, поймешь, что твой отец не виноват, это заблуждение в состоянии шока от потери близкого тебе человека.

– А если это не так? Ваши сеансы не помогут мне? – спросила Майя осторожно.

– Если мои сеансы тебе не помогут, тогда придется лечиться, моя дорогая. Но я не думаю, что все так уж запущено. У тебя депрессия, психологический надлом, но это не смертельно, поверь мне. Есть масса легких и доступных способов избавить тебя от этого состояния, вывести тебя из него. Я как раз специалист в этой области.

Майя вдруг тяжело поднялась со стула, уперлась одной рукой в край стола и заявила:

– Есть масса доступных способов заткнуть неугодному человеку рот. Я поняла, что вы с отцом в сговоре. Извините, мне пора.

Она так стремительно вышла из кабинета Колпаковой, что та даже не успела что-либо предпринять.

– Занятная девица, – тихо проговорила она и подошла к телефону.

Немного подумав, она по памяти набрала номер и стала ждать. Наконец ей ответили.

– Алло, Сережа? Как хорошо, что я тебя поймала. Послушай, мне надо с тобой срочно переговорить. Сможем встретиться сегодня вечером в «Ладье и Слоне»?

Мужчина согласился, и Галина задумалась, положив трубку на рычаг. Итак, что она имеет? Подозрение в убийстве, совершение которого практически невозможно доказать. Есть несовершеннолетний свидетель, которая является так же дочерью погибшей и по разным неизвестным причинам может клеветать на отца. И все же тут пахнет чем-то. Если Сергей захочет, он размотает этот клубок, а там уж видно будет, какую выгоду из всего этого можно будет извлечь.

Галина Колпакова так увлеклась этой идеей, что не смогла с полной отдачей доработать свое приемное время. Она ушла пораньше, прошлась по улице, зашла в кафе, выпила кофе. И все думала, размышляла, соображала. Ее недавняя встреча с Ильей Сафроновым всколыхнула в ней бурю чувств. Галина вдруг отчетливо поняла, что когда-то она по-настоящему любила его, боготворила даже. А он тогда предал и бросил ее, променял на эту Марию. Но бог ведь все видит, и вот теперь настал ее час. Теперь она своего не упустит.

Галина еще долго размышляла над тем, по какому пути пойти: утопить Илью и таким образом отомстить ему за предательство, или наоборот помочь ему и попытаться вернуть его себе. Второй путь казался ей более заманчивым и ин-

тересным, но где гарантии? Во-первых, сможет ли она вернуть Илью, вернее, захочет ли он? А во-вторых, зачем ей это нужно? Она замужем, муж известный в городе гинеколог, у него своя частная практика. Живут они на широкую ногу, ни в чем себе не отказывают, вырастили сына. И что теперь? Заводить любовника или разводиться с мужем ради сомнительного счастья с Ильей Сафроновым?

Галина разволновалась не на шутку. Она отставила в сторону недопитую, третью по счету чашку кофе и вышла из кафе. До встречи с Сергеем Масловым, юристом и другом их семьи оставалось не более получаса. Пивной бар «Ладья и Слон» пользовался в их городе хорошей репутацией. Туда не заглядывала разнузданная молодежь или любители подвыпить. Там было довольно дороговато, но зато красиво и по-светски, на западный манер.

Сергей сидел за столиком и поглядывал на дверь. Галина вошла легкой пружинистой походкой, красиво прошла через весь зал, подойдя к Сергею, чмокнула его в щеку и уселась напротив.

– Здравствуй, Галочка-скакалочка. Что тебя заставило раскошелить меня? Три доллара за кружку пива! В киоске на углу можно ящик на эти деньги купить. Рассказывай давай.

Сергей был неисправимым циником, и на него уже никто давно не обижался, знакомые к его шуткам подобного рода привыкли и пропускали их мимо ушей. Но все знали, что Сергей может дать любой совет по любому, даже самому щекотливому вопросу, и помочь найти выход из самой тупиковой, самой нестандартной ситуации.

Галина с рассказом не торопилась. Она тоже заказала себе

пива, вяленой оленины и орешков.

– Ну орешки ладно, а оленину зачем? Ты уверена, что этот олень не гавкал на прохожих в темных переулках до того, как его убили и засолили? – спросил Сергей, бесцеремонно заглядывая в меню и пальцем тыча в стоимость заказанной Галей оленины.

– Я ни в чем никогда не уверена до конца. Ты же знаешь. Собери мозги в кучу, отвлекись от подсчетов и послушай меня внимательно. Есть дело на миллион долларов.

– Да иди ты! – Сергей выронил меню из рук и весь подался вперед.

Галина сделала большой глоток. Пиво она очень любила и пила его всегда с удовольствием. Вот и сейчас, даже глаза прикрыла от наслаждения. Ее собеседник взирал на нее с неподдельным интересом и ждал продолжения.

– Ну не томи же ты! Давай, выкладывай! Кого засадить? Аж руки чешутся.

– Ну и негодяй же ты, Маслов! Тебе что, засадить кого-нибудь в радость что ли? Ты же юрист, блюститель закона. Или закон, что дышло...?

– Да брось ты демагогией заниматься, Галина Ивановна. А то ты не знаешь, первый день на свет родилась. Ведь меня же вызвала для того, чтобы отравить кому-нибудь жизнь! И я должен найти способ! Что, не так что ли?

– Не так! Почему сразу «отравить»? Может наоборот, помочь хочу человеку, он в трудной ситуации.

Галина нарочно оттягивала разговор, она хорошо знала Сергея: ему надо дать сначала остыть, тогда он будет сообщать четко и улавливать проблему с ходу.

Когда Сергей перестал балагурить, она приступила к делу. Во всех подробностях рассказала ему о двух визитах, Ильи и Майи, не называя при этом имен и фамилий. Конечно, Илья Сафронов как тренер по плаванию не был лично-стью известной в широких кругах. Его имя, если и мелькало в местной прессе, то только, возможно, в спортивных новостях. Но кто особо обращает внимания на имена в газетах? Вряд ли фамилия Сафронов была известна Сергею, но все же Галя умалчивала пока, о ком идет речь.

– Итак, – подытожил Сергей, – есть человек, твой хороший знакомый, как я понимаю, который поплыл. То есть его очень серьезной подставляет его же дочурка, а ты в смятении: казнить или миловать. Чего же ты хочешь от меня?

– Мне нужен твой профессиональный совет. В данной ситуации можно ли доказать, что это было убийство, если прошло уже более полугода? Будут ли этим серьезно заниматься, опираясь только на свидетельские показания несовершеннолетней дочери?

Сергей задумался. Он закурил сигарету, выпустил струйку сизоватого ароматного дымка и ответил:

– Вопрос, конечно интересный. Но тебе-то это все зачем? И где тут миллион обещанных долларов? Я что-то не просекаю.

– Ну понимаешь, этому человеку грозят огромные неприятности, так как дочка его настроена очень решительно. Ты можешь найти способ, как разрешить ситуацию, мы его к этому подведем. Я подведу. Ну и ставку за твои консультации предложим соответствующую. Кстати заметь, мне этих денег не нужно, все будет твое.

Сергей подозвал официанта и заказал еще пива и креветок.

– Эти уроды хоть точно то, за что их выдают, – проговорил Сергей, имея в виду креветки и продолжил: – Ну хорошо, я заработаю, а тебе что за интерес? Решила Яшу своего осчастливить ветвистыми рогами али корысть какая?

– Вот именно. Как говорится, не удовольствия ради, а токмо корысти для. Есть у меня интерес, не волнуйся. У меня с этим товарищем давние счеты, и если я ему в этом деле помогу, то он просто обязан будет по этим старым счетам заплатить. А мне этого ой как хочется.

Разговор иссяк. Старые приятели выпили еще по кружке Гиннеса, опорожнили тарелку пряных, с нежнейшим мясом креветок и засобирались уходить. Сергей не стал даже скрывать своего негодования по поводу оставленной на мельхиоровой тарелочке суммы, обозвал Галину дармоедкой и расплатился с водителем такси, в которое ее усадил.

– Езжай давай и еще с годик мне на глаза не попадайся, буду отрабатывать нашу с тобой сегодняшнюю задушевную беседу, транжирка чертова!

Галина улыбнулась.

– Ладно, пока. Я позвоню на днях, полистай свою настольную книгу, может нароешь чего-нибудь путное.

Было уже довольно поздно, когда Галина приехала домой. Муж ждал ее к ужину, сидя на диване и просматривая сегодняшнюю прессу. Вид он имел уставший и недовольный. Хмуρο взглянув на жену поверх очков, Яков проговорил:

– Ну где вот можно ходить? Объясни мне, ради бога! Десять часов почти, а с работы ты ушла раньше.

Галина тяжело вздохнула и ничего не ответила. Она терпеть не могла, когда муж звонил ей на работу и не раз говорила ему об этом. Но Яков ее не слушал и звонил в клинику по любому поводу.

Она прошла на кухню и увидела на столе плоскую промасленную коробку. Значит, Яков купил пиццу, принес ее домой, но ужинать без жены не стал. Пицца остыла и выглядела неаппетитно. Быстро разогрев духовку, Галина поместила туда сухую, холодную ковригу, прикрытую сверху сильно потемневшим томатом, кусочками колбасы, оливками и ломтиками сладкого болгарского перца. Пиццу она не любила, но зато Яков почему-то обожал, приходилось мириться.

Затем Галина переделалась и вернулась к мужу. Уже приятно пахло выпечкой, настроение чуть-чуть улучшилось.

– Ну что, успокоился, Отелло? – спросила она, подойдя к Якову и поцеловав его в макушку.

Он на ее поцелуй не отреагировал, но заметил:

– Я не Отелло, я брошенный, голодный, никому не нужный и больной. А тебе дела нет. Все бы гулять да веселиться. Спиртным разит за версту, рыбой какой-то. Где шлялась?

– Господи, Яша, ну перестань ты ради бога! Что за выражения! «Шлялась»? Во-первых, не шлялась, а ходила на деловую встречу. Во-вторых, разит от меня не рыбой, а креветками. Да и вообще, допросов не терплю. Пицца твоя готова, пошли есть.

Галина пришла на кухню, быстро накрыла на стол, достала неизменный графинчик с водкой. Без этого муж к ужину не приступал. Он практически не пил, но рюмку водку за ужином пропускал всегда. При этом он ссылался на профессора Преображенского, который говорил о пользе рюмочки водки под хороший сытный обед.

Горячая пицца выглядела уже совсем по-другому. Она источала приятный пряный аромат, но Галине есть не хотелось. Она отрезала себе совсем крохотный кусочек, а мужу на тарелку положила три больших, увесистых ломтя. Ели молча. Яков, казалось, успокоился и с вопросами к жене не приставал, а у Галины в голове прокручивалась сегодняшняя беседа с Сергеем.

Итак, чего же она действительно хочет? Помочь Илье Сафронову или наоборот, помочь его дочери и навредить таким образом ему? Галина решила не ломать пока голову над этим вопросом, все будет зависеть от того, что скажет Маслов. Если делу можно дать ход, как говорится, вот тогда ей

и карты в руки.

Она уже съела свою порцию и сидела над пустой тарелкой, разглядывая мужа. Он был так увлечен едой, что и не замечал, казалось, пристального взгляда жены, а она невольно сравнивала Якова с Сергеем Масловым, моложавым, пижонистым ухарем, в дорогом твидовом костюме, роскошном шелковом галстуке и модных кожаных полуботинках, импортных и тоже недешевых.

Он знал себе цену, этот высокомерный всезнайка, балабол. Он был хитер, жаден, но умен. Потом ее мысли переметнулись на Илью. Этот спокоен, уравновешен, даже солиден. Вот чего не хватает Маслову! Солидности! Это при его-то должности и положении в городе. Его ведь знает вся администрация, к нему за советами и консультациями обращаются самые именитые особы в их городе и области. А он как чертик из табакерки, вечно со смешком, юморком и подковырками.

Галина так задумалась, что и не услышала, как Яков спрашивает у нее что-то. И только когда он тронул ее за руку, она вдруг очнулась, вновь взглянула на него и невольно улыбнулась.

– Прости, я что-то задумалась.

Оказалось, вопрос мужа был банальным и простым: чаю ей налить или кофе.

– Кофе с молоком, сладкий и горячий. А я пойду прилягу на диване, устала что-то. Принеси мне туда, хорошо?

Яков что-то проворчал и начал хлопотать у плиты. Галина оставила его одного и вернулась в гостиную. По телевизору шла передача про глобальное потепление на планете, она сделала потише и уютно свернулась клубочком на мягком велюровом диване. Что-то не давало ей покоя. Скорее всего, это неразрешенный вопрос относительно Ильи сидел в ее мозгу занозой и беспокоил.

«Ну в конце концов, чего я дергаюсь? Какое мне дело до всей этой истории? Может, плюнуть и растереть?» – думала Галина, прикрыв глаза отяжелевшими от усталости веками. Но подсознательно она понимала, в чем все дело. Разбредилась ее старая, не зажившая до конца рана, которую ее душе нанес когда-то Илья Сафронов.

Галина приподнялась на локте и стала осторожно, маленькими глотками пить кофе из массивной керамической кружки, которую принес и поставил на маленький столик Яков. Сам он уже расположился в кресле и отключился от общения, закрывшись от жены полностью развернутой газетой.

Галина снова погрузилась в размышления и воспоминания. Вот она бежит к Илье домой. В ее руке цветы, она безмерно счастлива! Сегодня, сейчас она скажет ему, что их любовь достигла своего апогея! Она обрадует его тем, что у них будет ребенок! Боже, какое счастье! Илья, конечно, обрадуется, схватит ее в охапку и потащит в ЗАГС. Галя думала тогда, что именно это радостное известие согреет наконец прохладу и устранил легкую отчужденность в их отношениях. Уже больше месяца Галина замечала, как изменился Илья. Стал не таким внимательным, не таким радостным при встречах. А порой и вовсе исчезал на день-два. Потом отделялся отговорками, мол, был занят или плохо себя чувствовал. Но теперь все это прекратится! Теперь все встанет на свои места, и никакая сила уже не сможет их разлучить!

Галина Дорохина уже предвкушала огромные перемены, которые вот-вот произойдут в ее жизни: из Дорохиной совсем скоро она превратится в Сафронову, из невесты в жену, а из молодой беззаботной девушки-женщины в мать и хранительницу семейного очага.

Она нетерпеливо жала на кнопку звонка и ждала, когда Илья ей откроет. Илья жил один, родители его уехали на Север, когда он закончил школу и поступил в институт и воз-

вращаться пока не собирались.

Звонила Галина долго, минут пять, если не больше. Наконец, дверь открылась, и она даже растерялась. Илья смотрел на нее зло и неприветливо, одет он был только в джинсы, волосы были взлохмачены, он стоял босиком и дверь до конца не открывал.

– Можно к тебе? – робко спросила девушка, тая улыбку.

– Извини, но я не один. Подожди меня внизу, я спущусь через несколько минут.

Галя попятилась от двери и чуть не оступилась.

– Ты с женщиной?! – только спросила она.

Но дверь за Ильей уже закрылась, и он исчез. Чуть не рыдая, несчастная молодая женщина вышла из подъезда и без сил опустилась на лавочку. Она конечно не стала бы его ждать, но ноги не двигались, тело отяжелело, она поняла, что не сможет уйти. Ее душили слезы, а горло сжал болезненный спазм.

Илья появился минут через пять, в домашних тапочках и в куртке с капюшоном.

– Галка, ты прости меня, я очень виноват перед тобой, – сказал он сразу же. – Но это совсем не то, что ты подумала. Я не гуляю от тебя, я ухожу. Мы должны расстаться.

– Да? А я думала... вернее, я хотела сказать, что мы наоборот, не должны расставаться, особенно сейчас...

Илья прервал ее:

– Подожди, успокойся. Понимаешь, я встретил ее, ну так

уж получилось, что мы полюбили друг друга. Я не хочу обманывать тебя, давай останемся хорошими друзьями, если хочешь, а?

– Кем?! Ты что, с ума сошел?

Галя вдруг взорвалась. До этого тихая, потерянная, потрясенная она вдруг почувствовала такой взрыв внутреннего негодования, обиды, протеста, что резко вскочила, подошла к Илье вплотную и громко, не стесняясь соседей и прохожих заявила ему:

– Друзьями, говоришь? Так ты же предатель, негодяй, бабник! Какой из тебя друг? Нет, милый мой, я без твоей дружбы обойдусь, но запомни, предательства и измены я тебе не прощу никогда. А теперь отправляйся и лучше не попадайся на моем пути! Никогда!

С этими словами она бросила ему под ноги цветы, резко повернулась и почти побежала от него прочь. Теперь уж она дала волю слезам! Она плакала навзрыд, бежала, не вытирая слез, и молила только об одном, чтобы все это оказалось сном, ночным кошмаром, от которого она скоро очнется и захохочет от радости.

Но увы! Все случилось наяву, произошло с ней на самом деле, и только дня через три она по-настоящему осознала, что осталась одна, наедине со своим горем и счастьем, от которого теперь ей придется отказаться. Галина решила не оставлять ребенка. Жила она с бабушкой Полиной, мама умерла, когда Галя была еще совсем ребенком, отец вновь

женился, взял женщину с тремя детьми, а Гале в его новой семье места не нашлось. Да и бабушка не отдала.

– Оставь Галку со мной, – сказала она сыну, – все лучше, чем с мачехой.

На том и порешили. Отец разменял их трехкомнатную квартиру, в двухкомнатной оставил свою мать с дочерью, а сам съехался с новой женой. А примерно через год они и вовсе уехали из города в деревню, купив там приличный домишко.

Галя навещала отца в деревню почти каждое лето. Сначала они с бабушкой Полиной ездили, когда она еще маленькой была, а потом и вовсе стала ездить одна. Принимали ее всегда радушно. Жена отца, полная, красивая тетка по имени Маргарита, была женщиной хлебосольной, любвеобильной, всех привечала, угощала, и к Галине относилась с душой.

– Ты, деточка, не смущайся! Будь как дома. Отцу-то радость какая! – говорила она всегда, и Галя чувствовала, что это от души.

Но прошли годы, поездки в деревню стали событием редким. Дети Маргариты выросли, девчонки рано вышли замуж и покинули родительский дом, а младший сын Вячеслав, Галин ровесник, жил пока с ними. Был он полноватым, неуклюжим и совсем несимпатичным в отличие от красоток-сестренки. Но к Гале, похоже, он был равнодушен. Когда они были детьми, то бегали и играли вместе, одно время

Галка сама даже была по-детски, наивно влюблена в этого сбитого, живого вихрастого мальчугана. Но со временем эти чувства прошли, она уже и забыла об этом.

Перед экзаменами в десятом классе Галя приехала к отцу и Маргарите. Они вместе с Вячеславом занимались, решали задачки, готовились к сочинению. Но однажды девушка вдруг почувствовала у себя на плече его руку.

– Ты чего? – спросила она, резко обернувшись.

И тут он ее поцеловал, неловко, неумело и тут же отпрянул. Галя расхохоталась ему прямо в лицо. Она вспомнила горячие, пылкие поцелуи своего одноклассника Ильи Сафронова, и ей стало жаль Вячеслава.

– Славик, ты в своем уме? Выбрось из головы эти глупости, понял? – строго, как могла, сказала Галя.

Он покраснел до кончиков ушей и ничего не ответил. После этого случая Галя стала реже приезжать к отцу в деревню, да и времени стало меньше. Окончание школы, поступление в институт, да и любовь с Ильей окончательно вскрыла ей голову. Вячеслав ушел в армию, Маргарита стала бабушкой, все они как-то отделились друг от друга, зажили совсем другой жизнью.

Бабушка Полина тоже перестала ездить в деревню к сыну с невесткой. Годы уже не те, да и шумно там у них больно.

– Не люблю я весь этот гвалт, детвору эту, мал мала меньше. Устаю я у них, – пожаловалась она Галине, которая сама должна была стать матерью.

Но об этом она бабушке не говорила. Сказала правда, что рассталась с Ильей, что больше они не дружат и не встречаются.

– Ну и ладно! А я и смотрю, ты как в воду опущенная ходишь, думала в институте чего-нибудь случилось. Не горюй, девка. Коли любит, так никуда не денется, а не любит – так зачем он тебе и нужен?

Галя не стала расстраивать бабушку, да к тому же поняла, что та и не желает иметь правнуков, во всяком случае Маргаритины внуки ей не в радость.

«Ну что ж, так тому и быть, придется делать аборт», – решила про себя Галина.

Она записалась на прием в женскую консультацию и в один из погожих весенних дней явилась к врачу. Вельветовая юбочка, обтягивающая футболка, изящные босоножки, волосы стянуты в два пышных хвостика – она вошла в кабинет врача немного неуверенно и застыла на пороге. За столом сидел интересный мужчина в белом халате и шапочке, которая совсем ему не шла. Длинные бакенбарды, усы, очки в золоченой оправе придавали его лицу такое мужское благородство и без шапочки было бы лучше.

– Здравствуйте, – робко сказала Галя и покраснела. Она вдруг поняла, что ей очень стыдно и неприятно будет от того, что этот красавец будет проводить осмотр. Да и на аборт проситься тоже стыдно.

– Ну чего же вы встали в дверях, милочка? – вдруг услы-

шала она. – Проходите, раз уж пришли. Беременны?

– Я не знаю, я не уверена, – пролепетала она.

– Как же вы не уверены, если в карточке написано: пять недель беременности, а теперь уже шесть. Как себя чувствуете?

– Плохо, доктор. Понимаете, у меня такая ситуация сложилась, что я не могу оставить этого ребенка. Мне нужно направление на аборт.

– Ах, вот оно что! А что так? Тяжелое материальное положение или нелады с мужем?

Галя совсем смутилась. Ей вовсе не хотелось открывать душу перед этим холеным красавцем, у которого уж точно все в жизни благополучно и идет, как по маслу. Она молчала.

– Ну что ж, не хотите говорить, не надо. Это ваше личное дело. Только вот что я хочу вам посоветовать: не торопитесь с окончательным решением. У вас есть еще немного времени подумать.

– Я уже подумала и все решила. Так надо, – твердо сказала Галя, и доктор лишь пожал плечами.

– Раздевайтесь, я вас посмотрю, – сказал он и указал Гале на ширму, за которой ей предстояло раздеться.

Она уже знала, как неприятна и некомфортна вся эта процедура, а уж с этим доктором, так и вообще со стыда сгореть можно. Но делать ей ничего не оставалось, и она, чуть не плача, побрела за ширму.

Осмотр доктор провел быстро, Галя он больше ни о чем

не спрашивал, а она только молила бога, чтобы побыстрее все закончилось, и она ушла бы отсюда навсегда. Но навсегда уйти не получилось. Когда доктор закончил осмотр, он сказал:

– Хорошо, Галина Дорохина, одевайтесь. Я выпишу вам направление на анализы. Пройдете их, потом решим. Догово-
рились?

И через неделю Галя снова сидела в его кабинете и слушала совсем неутешительные вещи.

– Я настоятельно не рекомендую вам прерывать вашу первую беременность. Это очень опасно, так как резус крови у вас отрицательный, – говорил ей доктор и смотрел прямо в ее огромные испуганные глаза.

– А почему это опасно? Я что, могу умереть? – спросила Галя, чуть не плача.

Но доктор поспешил утешить ее:

– Ну что вы! Нет, конечно. Но вы можете больше никогда не стать матерью.

Галя разрыдалась. Доктор не стал ее успокаивать, он дал возможность ее эмоциям выйти наружу, а когда она немного пришла в себя, он неожиданно спросил:

– Вы незамужняя, как я понял? Это вас больше всего смущает, не так ли?

Галя не ответила. Какое ему дело в конце концов, замужняя она или нет. Но доктор не отступал.

– Знаете что, я хочу помочь вам. Давайте так, вы полно-

стью доверяетесь мне. Я буду вас наблюдать, помогать вам морально, поддерживать вас в хорошей физической форме. А когда родится ваш малыш, вы будете так счастливы, что скажете мне спасибо! Я уверен!

И с этого самого момента все в жизни Гали Дорохиной изменилось и пошло совершенно по другому руслу. Яков Константинович Колпаков, ее доктор, так вошел в роль ее спасителя, что не смог уже из этой роли выйти никогда. Он был холост, с большими амбициями и незаурядными способностями. То, что он был старше Галины почти на двадцать лет, совсем не смущало ее. В конце концов со своими ровесником Ильей Сафроновым она не стала ни счастливой, ни нужной ему. А вот Яков прямо на руках ее носил, предупреждал каждое ее желание. И даже бабушка Полина не сказала ни слова, когда Галя объявила ей о том, что выходит замуж и познакомила ее с Яковым.

– Интересный мужчина, интеллигентный. Ты с ним не пропадешь, – сказала она и пожелала внучке счастья.

После свадьбы Галина переехала жить к мужу, а через несколько месяцев у нее родился сын Ванечка. Яков считал, что это и его сын тоже, так как только благодаря его стараниям и его любви к Галине этот мальчуган появился на свет, и если бы не он, то еще не известно, как бы все обернулось. Скорее всего, Галя избавилась бы от него, как и намеревалась.

Колпаковы жили очень дружно и счастливо, и Галя решила про себя никогда больше не думать и не вспоминать об Илье, и это у нее очень хорошо получалось до тех пор, пока он, Илья Сафронов, не переступил порог ее кабинета.

А теперь Галя ни на шутку разволновалась. Отношения с мужем у нее были стабильными, вошедшими в привычку, обыденными. Будучи намного младше него, она иногда позволяла себе некоторые вольности. И даже любовник у нее был одно время. Но с ним она рассталась из-за нехватки времени, и муж так никогда об этом и не узнал.

Сам Яков в послеперестроечные времена открыл частную клинику, небольшую, но престижную. Обзавелся солидной клиентурой, что позволило ему со временем приобрести импортное оборудование, и практиковал он очень успешно. Его имя было в городе на слуху, говорили, что он творит чудеса. А он просто был мастер своего дела, талантливый доктор, гинеколог от бога.

Галина была в его жизни второй возлюбленной. До этого у него были многочисленные подружки, близкие знакомые, поклонницы. Но любил он до Гали только одну женщину, которую не уберег. Она ушла к другому, молодому красавцу, и Яков решил про себя, что все, что ни делается, все к лучшему.

Он встретил ее только однажды, совершенно случайно, и понял по ее глазам, что она не так уж и счастлива. Она пригласила его к себе, они долго говорили, вспоминали свою

прошлую любовь, и как-то так получилось, что прежние чувства вдруг нахлынули на них с необыкновенной силой. Яков первый и последний раз в жизни изменил своей молодой жене. Галя в тот момент была уже на сносях, вот-вот должна была родить, и Яков еще долго мучился угрызениями совести.

Когда родился Ванечка, здоровый краснощекий карапуз, Галина и Яков полностью окунулись в заботу о нем и так продолжалось долгих семнадцать лет. Они растили сына, заботились друг о друге, и только когда Иван закончил школу и уехал учиться в Кубанский университет, Галина и Яков слегка расслабились. Они считали, что свою миссию выполнили, отдали сыну свои самые лучшие годы и пора бы пожить в свое удовольствие. Тогда-то у Галины и появился новый знакомый, с которым она продолжала близкие отношения почти полтора года. А Яков весь ушел в работу, он был так увлечен своим собственным делом, своей клиникой, что все остальное в его жизни ушло как бы на второй план, стало второстепенным и малозначительным.

Все эти воспоминания так подействовали на Галю, что она очень плохо спала этой ночью, все время просыпалась, и какие-то тяжелые, нехорошие мысли и предчувствия не давали ей покоя.

А Илья Сафронов все последующие дни был предельно занят, усиленно готовил отобранных спортсменов к предстоящему соревнованию. Этот день не был исключением. Он сидел на скамье и наблюдал за плавающими девушками. Все было по его мнению неплохо, и даже Арина перестала вызывать у него тревогу и опасения. Она сможет, если захочет. Но Арина была с характером и подвластна своему настроению. Она часто капризничала, спорила по пустякам, требовала к себе особого внимания, и все это ужасно раздражало Илью. Вот и сейчас, все плавают, отрабатывают технику, скорость, а она вышла и направляется к нему.

– Что такое? – спросил он ее издалека.

– Переставьте меня на первую дорожку. Я не могу рядом с Пожаровой плавать. Она гоняет как сумасшедшая, да еще и подкалывает. А я не скорость, а технику отрабатываю в настоящий момент. И вообще, подойдите ко мне и проконсультируйте. Мне надоело быть в автономном плавании! Помощь нужна!

– Какая конкретно помощь тебе нужна, Арина? У вас разминка. Через полчаса начну вас гонять на время. Переставлять я тебя не буду. Освободится первая дорожка, занимай, а пока плавай там, где выбрала сначала.

Чтобы не продолжать спор, Илья встал и направился к вы-

ходу. Но настойчивая Арина догнала его и заявила:

– Тогда я вообще не буду плавать. Буду ждать. Неужели так трудно попросить кого-нибудь поменяться со мной?

– Попросить ты и сама можешь, не так ли? Ты ведь про-
сишь меня заставить кого-то поменяться с тобой. А этого я
делать не буду. И сидеть я тебе не советую. Иди и тренируй-
ся.

Илья зашел в мужскую раздевалку а не в тренерский ка-
бинет, иначе там бы Арина его все равно достала.

«Да, трудно мне с ней придется. Она с меня три шкуры
спустит, пока пройдут эти соревнования. Может поменять
ее, пока не поздно?» – подумал Илья и тут же отказался
от этой мысли. Он знал, что на это не пойдет.

Выпив холодной минералки и немного освежившись, он
вернулся в бассейн и увидел Арину, сидящую на скамье с на-
кинутым на плечи полотенцем. Он подошел и сел рядом.

– Ну что за капризы, Арина?

– Илья Петрович, я вам все объяснила. Я не люблю зани-
маться чем бы то ни было, если испытываю дискомфорт. Вы
посмотрите на Пожарову. Что это за плавание такое? Торпе-
да, а не пловчиха.

Кое-как Илье все же удалось заставить Арину вернуться
на дорожку, а Пожарову он попросил выйти.

– Отдохни, Наташа. Через пятнадцать минут начнем со-
ревноваться. Тебе силы понадобятся.

Девушка, тяжело дыша, направилась в душевую. Илья

снова сел на скамью и задумался. Он размышлял над тем, что Майя побывала у Колпаковой, но о чем они говорили с Галиной, она умалчивала, а ему хотелось держать ситуацию под контролем. Он был очень удивлен, когда Галина вдруг заявила ему, что она не имеет права рассказывать о своих пациентах кому бы то ни было.

– Галя, ну ты же знаешь, как для меня это важно, – умолял он ее. – Скажи хотя бы, тебе удалось хоть чуть-чуть изменить Майкины убеждения?

– Пусть она тебе сама скажет, – ответила Галина. – Я сделала для этого все возможное. Но ты же знаешь, какие они в этом возрасте максималисты.

Тогда Илья подумал о том, что он даже не поинтересовался, имеет ли Галина детей, и ему стало неловко.

– Галя, а у тебя кто, дочь или сын? Есть дети-то вообще? – спросил он после небольшой паузы.

Она засмеялась.

– У меня? Дети? Есть один ребенок. Сын Ванюшка. Он учится в Краснодаре, в университете на втором курсе юридического.

– Понятно. На тебя похож?

– Нет, на тебя, как ни странно.

Илья воспринял это как шутку и улыбнулся. Больше ему от Галины ничего узнать не довелось.

Потом он отвлекся от своих невеселых мыслей и с секундомером в руках направился непосредственно к бассейну.

Девушки уже расслабились, плавали неспеша и даже переговаривались между собой.

– Ну что, золотые рыбки? Начнем? – громко спросил Илья и приступил к работе.

Освободился он около шести часов и сразу же направился домой. Майя была на кухне и жарила картошку. В доме вкусно пахло, а Илья был изрядно голоден.

– Привет, ты на двоих надеюсь жарить? – спросил он Майю.

– Нет, но если ты голодный, я тебе оставлю, – ответила она и отвернулась.

– Спасибо и на том, – сказал Илья и достал неглубокую тарелку.

Затем он пошел переодеваться, а когда вернулся на кухню, Майи уже не было, на столе стояла его тарелка с жареной картошкой и стакан молока. Илья поужинал и отправился смотреть телевизор.

Майю в этот вечер он больше не видел, она продолжала избегать общения с ним, и Илья подумал о том, что вряд ли Галине удалось переубедить ее. Ему стало скучно от этих мыслей. Он вновь увлекся передачей, как вдруг раздался телефонный звонок. Илья тут же ответил и услышал голос отца Марии, Александра Михайловича.

– Илья Петрович? Приветствую вас. Как жизнь?

Александр Михайлович говорил раскатистым басом, громко и напористо. Илья никак не мог привыкнуть к его

манере разговора, он всегда терялся в первую минуту. Вот и сейчас он не сразу нашелся и глупо переспросил:

– Александр Михайлович? Это вы?

– А то ты не узнал! Как жизнь, спрашиваю?

– Да так себе. Вы же знаете. Ничего существенного.

– Ну-ну! А я вот звоню, хочу сказать, что мы с матерью собираемся в ваши края, на могилу к Маше хотим сходить. Ничего, если мы заглянем на огонек как-нибудь вечером? У меня для тебя кое-что есть, хочу отдать.

Илья тут же согласился.

– Конечно, о чем речь! Когда вас ждать?

Они договорились, что как только приедут, сразу с ним созвонятся. Родители Марии жили в небольшом подмосковном городке. Александр Михайлович работал директором вечерней школы, а его жена Дина Борисовна всю жизнь проработала учительницей русского языка и литературы в той же школе. Илья Петрович относился к теще и тестю более, чем благосклонно. Отношения у них всегда были ровные. Они не корили его даже за то, что выйдя замуж за Илью, их дочь Мария наотрез отказалась возвращаться в родной город, где прошло ее детство.

– Как хотите, – сказал тогда Александр Михайлович, – но знайте, захотите переехать, мы вам поможем.

Но они так и не собрались. Мария почему-то не хотела жить вблизи от родителей, хотя часто к ним навещалась, и Илья вместе с ней. Поразило Илью еще одно обстоя-

тельство. Когда Мария погибла, он не представлял себе, как им сообщить об этом, как сказать. Он думал, что это будет страшным ударом для престарелых родителей. Когда наконец решившись, он все же позвонил им, чтобы сообщить о страшном горе и объявить дату похорон, он был потрясен реакцией Александра Михайловича. Тот выслушал Илью, ни разу не перебив, а потом громко позвал жену.

– Маша погибла, – сказал он ей, и Илья это услышал.

Наступила тишина, потом вдруг в разговор вступила мать Марии.

– Как это произошло, Илюша? – спросила она дрогнувшим голосом, но не закричала, не зарыдала, не запричитала.

Илья объяснил, он в подробностях описал катастрофу и сказал, что выбора у него не было, ему надо было спасти Майю, так как Мария погибла от удара.

Дина заплакала и положила трубку. На похороны родители Марии приехали непосредственно в день похорон и на следующее утро уехали обратно. Они даже ночевали не у Ильи, а в гостинице. С Майей тоже общались очень недолго, да она и не говорила почти ни с кем, была замкнута, погружена в свое горе и от сочувствий отказывалась.

– Это у нее пройдет, – напутствовал тогда Александр Михайлович. – Дина вот тоже как замороженная, все молчит и даже плачет так, чтобы никто этого не видел. Но я-то знаю, каково ей. Она очень Машу любила. Да чего там говорить.

С тех пор прошло уже полгода, за это время они разгова-

ривали только раз, Илья позвонил им на Новый год. Поговорили с ним ровно, спокойно, но без особого интереса. И вот вдруг этот телефонный звонок.

«Что он намеревается мне отдать? Что у него может быть такого важного для меня?» – подумал Илья.

Потом он громко позвал Майю. Она выглянула из своей комнаты и молча уставилась на отца.

– Бабушка с дедушкой собираются приехать. Обещали к нам зайти. Будем их посвящать в наши семейные проблемы или сделаем вид, что все у нас нормально? – спросил ее Илья.

– Мне совершенно без разницы. Мне скрывать от них нечего, а ты как хочешь, так себя и веди. Ты ведь не собираешься им рассказывать правду, как я понимаю. А остальное мне не интересно.

И тут Илья понял, что разговоры с Галиной Колпаковой не принесли ровным счетом никакого результата. Майя стояла на своем и ни капельки не изменилась в отношении него.

– Но и ты, я надеюсь, не собираешься нести свою ахинею о том, что я погубил твою мать?! – закричал вдруг Илья, удачно ввернув слово «погубил» вместо «убил».

– Как получится, – спокойно ответила Майя и закрыла дверь.

– Дрянь! – вырвалось у него, но этого Майя, скорее всего, не слышала.

Илья Петрович разозлился ни на шутку. Пренебрежи-

тельный тон дочери, ее показное спокойствие, равнодушие и неприязнь к нему доводили его до дрожи. Но самым ужасным было то, что он не мог найти к ней подхода. Она как будто отреклась от него, и его присутствие рядом с ней неизменно досаждало ей. В глубине души он стал уже подумывать о том, что скорее бы настал тот час, когда он сможет отпустить ее на все четыре стороны, и между ними разорвутся эти ужасные узы, которыми они привязаны друг к другу, как насильно.

В мае месяце Илье предстояло уехать на соревнования. Он испытывал тихую радость и облегчение от того, что покинет хотя бы не надолго свой дом, Майю и немного отдохнет от душевного напряжения. Но надо было ждать.

В начале апреля, когда все смелее и решительнее наступала весна, дни стали теплее и длиннее, и настроение немного улучшилось, приехали родители Марии. Они позвонили в один из субботних вечеров, и Илья тут же пригласил их к ужину. Майя была дома, но особой радости от предстоящего визита, казалось, не испытывала.

– Давай приготовим что-нибудь к ужину. Можно курицу запечь, самый простой вариант. Салат сделаешь, а я за тортом схожу. Идет? – спросил Илья Майю, когда она открыла холодильник и стала просматривать запасы.

Она ничего не ответила, но достала из морозилки цыпленка и положила его в воду для размораживания. Потом занялась салатом, и Илья ушел в ближайший гастроном.

Он размышлял над тем, как пройдет встреча, как будет вести себя Майя, что говорить. Для себя он уже определил линию поведения: он будет полностью игнорировать настроение дочери, а если понадобится, он объяснит, что такое с ней уже давно. Он расскажет им, что Майя пребывает в состоянии депрессии и винит во всем случившимся его, Илью.

А что он может поделать с этим? Он пытался, но все бесполезно. Вот и живут они теперь так: замкнутая в себе, обиженная на весь белый свет Майя, и страдающий от этого, бессильный ей помочь он, Илья, у которого вся жизнь теперь превратилась в сплошную печаль и тревогу.

Около восьми вечера родители Марии прибыли к Сафоновым. Выглядели они немного уставшими, а Дина Борисовна и вовсе постарела, совсем седая голова, сухие морщинистые руки и очень печальные, со слезинкой глаза. Александр Михайлович был все тем же неунывающим здоровяком, только не балагурил, не шутил и не хохотал по каждому поводу, как это случалось с ним раньше. Они чинно поздоровались, Александр Михайлович вручил Илье бутылку Смирновской водки, а Дина Борисовна положила на стол большую коробку шоколадных конфет.

– Для Майечки, – тихо сказала она и присела на диван.

Майя появилась в гостиной не сразу. Когда она вошла, отец поразился тому, как она была одета и в каком виде предстала перед бабушкой и дедом. На ней был старый фланелевый халат Марии, который был ей велик, волосы были гладко зачесаны назад и забраны на затылке в тугой узел. На ногах шерстяные носки.

– Здравствуйте, – сказала Майя, – с приездом. Вы надолго в наши края?

Дед, казалось, не замечал ничего странного в облике внучки, а Дина Борисовна не удержалась и спросила Майю после

приветственного поцелуя:

– Ты не болеешь? Чего-то ты бледная. Или устала очень?

– Да нет, – ответила Майя, – просто мой вид соответствует моему душевному состоянию. А что, совсем плохо выгляжу? Дина Борисовна смутилась немного.

– Я тебя давно не видела, ты повзрослела очень, Майечка. Как дела в школе?

– А никак. Надоело все. Скорей бы закончить и уехать куда-нибудь.

Повисло тягостное молчание. Дина Борисовна смотрела на внучку с тревогой, Илью потряхивало от злости, так как он понимал, что Майя разыгрывает перед всеми очередной спектакль, а Александр Михайлович кашлянул в кулак и громко сказал:

– Ох уж эта школа! Ненавидят ее дети, и все тут! А мы-то, бывало, неслись туда как на праздник! До уроков какие-то линейки, сборы, переклички. Потом уроки, а после них опять горны трубят: макулатура, металлолом... Пионеры, вперед! А энтузиазму сколько было! Откуда это все бралось у полуголодной, полунущей ребятни?

– Дедушка, быть голодным и нищим – это не самая большая беда, поверь мне, – вдруг высказалась Майя. – А вот когда ты сыт, обут и одет, а тебе жить не хочется – вот это уже пострашнее. Тут не до энтузиазма.

– Согласен. Но к тебе-то это, я надеюсь, не относится?

– Так, все готово, пойдемте ужинать! – провозгласил

Илья, чтобы прервать тяжелый разговор, в который всех явно втягивала Майя.

Ели молча, правда в самом начале сразу же помянули Марию, выпили по стопке и приступили к ужину. Майя с безразличным видом ковырялась в тарелке, ела мало, а вскоре и вовсе вышла из-за стола.

– Вы меня извините, у нас завтра сочинение, готовиться нужно. Да и не голодная я, – сказала она и ушла.

– Илюша, что же это с Майечкой такое? На кого она похожа? Она что, совсем на себя рукой махнула? – не удержалась от вопроса обеспокоенная бабушка.

– Я не знаю, Дина Борисовна, честное слово, я уже с ней устал. Она совершенно изменилась, ушла в себя, обвиняет в нашем горе меня. Да и вообще, мы совершенно потеряли контакт. Она даже из дома собралась уходить! – в сердцах высказался Илья.

– Это бывает. Не паникуй, Илья Петрович. Все утрясется, – сказал было Александр Михайлович, но жена прервала его.

– Что значит «не паникуй»? Ты помнишь Майю, веселую хохотушку с горящими от счастья глазами? Розовощекую, кудрявую девочку, которая порхала вокруг нас, как бабочка? А это что такое? Смотреть страшно!

– Переживает она, Дина! Ну что тут непонятного? Потерять мать в таком возрасте – это очень страшное испытание. Ей нужно время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Да еще

и сама чуть не погибла, ужасов натерпелась! Тут психиатр нужен, я боюсь.

– Да ходила она уже. У нас здесь клиника хорошая, врачи грамотные. Толку-то что? Еще хуже стало.

Дина Борисовна вдруг тихо заплакала и сказала:

– А мне каково? Я единственную дочь похоронила... думала, внучка заменит потерю, на Машу ведь похожа как две капли воды. А она тоже вон... расстройство только одно!

– Ладно, мать! Ты иди давай к Майе, поговорите по-женски, поплачьте. Вы найдете общий язык. А мне с зятем потолковать надо, – сказал Александр Михайлович и встал из-за стола. – Пойдем, Илья Петрович, покурим, да обсудим кое-что.

Илья привел тестя на лоджию. Он захватил с собой массивную хрустальную пепельницу и поставил ее на низкий столик, приоткрыл большое раздвижное окно, и Александр Михайлович сладко затаился.

Илья ждал. Ему нетерпелось поскорее узнать о том, что хотел передать ему бывший тесть, почему-то это беспокоило его.

– Ты вот что, Илья Петрович, не обижайся на дочку. Помочь ей надо с горем справиться, молодая еще, жизни не знает, под маминым крылом жила. И вдруг лишилась укрытия, как неоперившийся воробушек: и зябко, и страшно. А все вокруг, конечно, виноваты! И ты в первую очередь: не уберег! У сильного всегда бессильный виноват, и наоборот.

Илье не хотелось развивать эту тему. Жаловаться на Майю было бессмысленно, оправдываться глупо, а соглашаться во всем было против его воли. Он тоже устал, у него тоже горе, и ему так же хреново, а может быть и хуже.

– Александр Михайлович, вы отдать или передать мне что-то хотели? Что-то важное? – спросил Илья, чтобы сменить тему разговора.

– Да. Я думаю, важное. Знаешь, перед самым вашим отъездом в Сочи Маша звонила нам. Она сказала, что отправила нам бандероль, просила ее не открывать и хранить до тех пор, пока она ее не запросит назад. Мы так и намеревались сделать, но когда Маши не стало, решили вскрыть.

Александр Михайлович замолчал и сделал три глубоких затажки.

– Ну и что там? – не выдержал Илья.

– А там ее дневник, письма и фотографии.

– Какой дневник? Она что, дневник вела?! Я никогда не замечал за ней этого, – растерялся Илья.

– Ну это дело ее, сугубо личное, я так понимаю. А вот фотки очень интересные. Скажи мне честно, дорогой зятек, у вас с Машей были проблемы в семейной жизни?

Задавая этот вопрос, Александр Михайлович одной рукой тушил сигарету в пепельнице, второй рукой оперся о ручку кресла, в котором сидел, и при этом он смотрел на Илью изучающим взглядом. Илья растерялся.

– Что значит «проблемы»? Что вы имеете в виду?

– А вот, полюбуйся.

С этими словами Александр Михайлович достал из внутреннего кармана пиджака небольшую пачку фотографий и протянул их Илье. Тот взял их и сразу же побледнел. Это были его фотографии, где он был снят не один. Вот он сидит в ресторане с Инной Захаровой, она курит сигарету, влюбленно смотрит на него, а он под столом касается ее коленки, и это тоже видно на снимке. Вот другая фотография, где он в бассейне прижал к себе Марину Шевчук, молодую тренершу, которую сам же практиковал. Еще одна, где он с Тамарой Левченко. Они в парке, сидят под деревом, хотя сидит только Тамара, а он, Илья лежит на траве, его голова покоится у Тамары на коленях, а она запустила свою руку ему под футболку.

– Ну, что скажешь? – спросил Александр Михайлович зятя.

– А что тут скажешь? Все это ерунда. За свою долгую жизнь с Марией я конечно же имел всякого рода встречи с женщинами, и по работе и вообще. Но кто-то специально выбирал моменты, чтобы заснять меня в так называемых фривольных позах и в моменты, похожие на интимные. Это все подстроено, Александр Михайлович.

– Ну-ну! А вот это ты как мне объяснишь? – спросил тогда тесть и протянул Илье еще одну фотографию, где он голый в постели с двумя молоденькими девчушками. Это были его выпускницы, Надя и Света, с ними он провел всего один

вечер, после этого девушки уехали в другой город на учебу, и он с ними больше никогда не встречался.

– Это уже переходит всякие границы! – выкрикнул Илья.

– Вот именно. И я о том же. Я всегда считал тебя порядочным мужиком, Илья, а ты... извини, но выражаться не буду. Значит так. Забирай всю эту грязь себе, а дневник Марии останется у нас. Рано или поздно он мне пригодится. Бедная моя девочка, она жила с таким негодяем и знала об этом. Она никогда не просила у тебя развода?

– А это не ваше дело. Марии больше нет, и я не советую вам ворошить наше прошлое. Мы были счастливы с ней, она любила меня. А от ошибок в жизни никто не застрахован.

– Ну что ж, прекрасная заключительная речь. Теперь тебе никто не мешает совершать эти так называемые ошибки. Желаю удачи.

С этими словами Александр Михайлович поднялся и вышел. Илья сидел как пригвожденный, в руках он все еще держал фотографии и не знал, как вести себя дальше.

Когда он наконец вышел в прихожую, он увидел, что теща и тесть уже на выходе. Майя стояла здесь же, прислонившись к стене и грустно смотрела на бабушку с дедом. У Дины Борисовны глаза были заплаканные, Александр Михайлович хранил показное спокойствие и наконец, сухо попрощавшись, они покинули их квартиру. Майя тут же повернулась и ушла в свою комнату.

Илья остался один и почувствовал озноб. Он вдруг почти

физически ощутил, что над ним нависла какая-то беда, опасность. Волнение и тревога охватили его и захотелось убежать, исчезнуть, уснуть, а проснуться в другом месте, среди других людей, другим человеком.

Это было отчаяние. Он ощутил вокруг себя вселенскую пустоту. Не осталось рядом ни одного человека, которому он был бы нужен. Все его родные отвернулись от него, а те женщины, которые принесли ему все эти несчастья, были такими ненужными ему самому, что он ощутил себя, как в пустом, холодном и глубоком колодце, из которого ему уже не выбраться никогда.

«Галя... есть Галя, которая меня поймет и поддержит!» – промелькнуло у него в голове, и Илья стал дрожащими руками листать телефонный справочник. Колпаковых было на удивление много. Он сразу же отмел тех, которые жили в отдаленных и непрестижных районах, отмел женские фамилии, так как ни одни инициалы не имели буквы «Г», и наконец осталось всего пять номеров. Илья стал звонить и с третьего раза попал туда, куда нужно.

Галина сама подошла к телефону, это облегчило задачу.

– Галина Ивановна? – все же официально обратился Илья.

– Да, я вас слушаю, – ответили ему.

И тут Илья расслабился. Он как будто ухватился за спасательную соломинку.

– Галка, привет! Извини, что поздновато уже, но поговорить надо. Это Илья Сафронов.

– А-а-а, ну здравствуй. Что случилось? Что-нибудь с Майей?

– Да нет, тут другое. Ты знаешь, мне так чего-то плохо, что хоть в петлю головой. Меня и так уже тошнит от всей этой истории, а тут еще Мариины родители приезжали, и тоже туда же. Я, оказывается, причина всех бед и несчастий.

– Ну а что ты хочешь от меня?

Галина ждала ответ. Ей ужасно хотелось почувствовать его слабость, безысходность, ей нетерпелось увидеть его жалким и беспомощным. Может тогда она сможет выкинуть его из головы, почувствовать свою силу и превосходство и расстаться с мыслью, что он ей нужен.

Но Илья у нее этих чувств не вызывал. Ни жалким, ни слабым он ей не казался, а наоборот она почему-то чувствовала в нем попавшего в сети крупного матерого самца, который ищет у нее помощи, чтобы потом отблагодарить.

Как будто в ответ на ее мысли Илья вдруг спросил:

– Мы не могли бы с тобой завтра встретиться? Ты, надеюсь, не работаешь в воскресенье?

– Нет, не работаю. Но с какой стати мы должны с тобой встречаться, Илья? Если тебе нужна моя помощь, как психотерапевта, то запишись...

Илья ее перебил:

– Не нужна мне помощь психотерапевта! Мне просто нужно с тобой поговорить. Мы ведь были друзьями, близкими друзьями, если ты помнишь. А мне сейчас нужен именно

друг.

– Поплакаться в жилетку, – закончила Галина его мысль.

– А что, разве это недопустимо? Давай сходим, пообедаем где-нибудь. Хотя бы в «Булонский лес»: жульен, устрицы, бургундское вино.

– За дорого покупаешь нашу свиданку. Хорошо. Жду тебя у ресторана в два часа, устраивает?

Илья тут же согласился, а сам подумал:

«Не долго она сопротивлялась. Но зато с каким гонором дала согласие! Ну и штучка».

Илья не кривил душой. Встреча с Галиной ему нужна была только для того, чтобы выбраться из вакуума, встретить человека, которому он не безразличен и который сможет ему морально помочь. Затем он переключился на недавний разговор с тестем. Ему было досадно, что его так просто уличили в чем-то постыдном, недостойном.

«Чертовы фотографии! Откуда они взялись? Кто подсматривал, следил за мной? Кому это было нужно?» – размышлял Илья. Он вспомнил про дневник Марии. «Значит, она и дневник вела. Интересно бы почитать. Тоже мне, святая простота. О своих любовниках она там тоже писала, или только меня выставляла в черном свете?» – грустно думал он и постепенно предался воспоминаниям.

Когда Илья встречался с Галиной Дорохиной, симпатичной курносой одноклассницей, он не задумывался еще о серьезных чувствах, хотя любопытство брало верх и хотелось всего попробовать, ощутить, испытать. Да и Галина, казалось, тоже стремилась к очень близким, «взрослым» отношениям. Они не задумывались о последствиях и не упрекали друг друга, они просто пошли на внутренний зов, поддались своим чувствам и не заметили, как их интерес и любопытство вдруг переросли в некоторую потребность постоянно быть рядом друг с другом и предаваться любви.

Сначала несмело и осторожно, потом все откровеннее, а вскоре и вовсе страстно и безудержно они обладали друг другом каждый свободный вечер, а уж особенно они почувствовали себя свободно, когда родители Ильи уехали на Север. Галина все ждала, когда Илья позовет ее жить к себе. Она мечтала перебраться к нему, но он молчал. Ему не хотелось пока никаких осложнений. Галина Дорохина для него была близкой подружкой, не более того. Даже в близкие отношения, в интимную связь они вступили по договоренности, по обоюдному интересу.

– Ты не бойся, Илюшенька, – сказала ему однажды Галина, – это тебя ни к чему не обяжет. Я просто хочу стать настоящей женщиной и хочу, чтобы это сделал ты. Ты ведь то-

же хочешь, правда ведь? — допытывалась она.

Илья не сдержался. Совсем еще молодой, неопытный, он немного стеснялся и боялся сделать что-нибудь не так, но Галя умело направляла его, всячески поощряла и позволила ему сделать с ней все, что требовал его горячий природный темперамент. Они не задумывались тогда о том, что совершают ошибку, играют во взрослые игры, мальчик и девочка, рано повзрослевшие, еще не умеющие любить, но влюбленные и заинтригованные недозволенностью тех взаимоотношений, о которых уже столько читали, слышали, видели в кино.

Так продолжалось довольно долго. Они уже давно закончили школу, поступили в свои институты, и времени на общение становилось все меньше и меньше: зачеты, сессии, экзамены, тренировки, сборы. Все это отвлекало их друг от друга, но если Галя всегда стремилась к тому, чтобы как-то выкроить время для своего любимого, то Илья наоборот, отдалялся от нее, ссылаясь на бесконечную занятость и сильную усталость. Но все же все праздники и выходные они проводили вместе, и Илья вдруг почувствовал, что он окончательно теряет интерес к их взаимоотношениям.

Просто у него все вошло в привычку, и их постоянная близость стала его утомлять. Вот только сказать об этом Гале у него не хватало духу. Но его раздражало все: и ее халат в ванной комнате на вешалке, и ее зубная щетка, и пушистые домашние тапочки, которые он все время старался за-

пихнуть под тахту – все стало ему надоедать и досаждать.

Он даже представить себе не мог, что все это может остаться в его доме навсегда в придачу с ней, Галей, которая не такая уж и красивая, не такая уж и утонченная, да чего там говорить, просто плебейка.

Внутренне Илья был готов к окончательному разрыву с ней, только вот одно тревожило: а не сорвется ли он тогда, не начнет ли менять женщин как перчатки, не пресытиться ли он, не потеряет ли вообще интерес к жизни? Илья медлил с разрывом и откладывал его с понедельника на пятницу и наоборот.

А потом произошло чудо. Оно упало к нему прямо с небес в полном смысле этого слова. Илья в составе сборной команды их института возвращался с соревнований по плаванию из Волгограда. Они летели ночным рейсом, веселые, шумливые, озорные. Настроение было отличным, первое место в командном зачете сулило им существенное облегчение в учебе к концу семестра, и все радовались, как дети.

А между рядами ходила невиданной красоты длинноногая стройная стюардесса. Вид у девушки был такой серьезный и озабоченный, что никто даже и не пытался приставать к ней или заигрывать, хотя, переглядываясь между собой, парни понимающе подмигивали друг другу и поднимали кверху большой палец, все сошлись на мнении, что девушка – высший класс!

Потом кому-то в голову пришла бредовая идея разыграть

спектакль. Сидящий рядом с Ильей Андрей Комаров вдруг откинулся на спинку кресла, закатил глаза и стал стонать, изображая предобморочное состояние. Илья быстро нажал на кнопку вызова бортпроводника, и сразу двое поспешили им на помощь: красавица-стюардесса и высокий худощавый парень в униформе, который в самом начале полета демонстрировал пассажирам, как нужно пользоваться спасательным жилетом и кислородной маской.

– Игорь, у тебя нашатырь с собой? – спросила его девушка на ходу, и парень показал ей пузырек и кусочек ваты.

– Извините, вы не могли бы пока пересесть на другое место? – попросила Илью стюардесса, когда они подошли к его ряду.

Илья послушно встал и густо покраснел. Девушка тут же заняла его место и стала нащупывать пульс у Андрея на запястье. Парень в униформе склонился над ним и слегка пошлепал его по щеке. Затем он открыл пузырек с нашатырем и поднес его к носу комедианта. Тот вдруг фыркнул, замахал руками и попытался вскочить с места, но не смог, так как был пристегнут. Все расхохотались.

– Вам уже лучше? – спросила Андрея стюардесса, все еще держа его руку в своей.

– Мне так хорошо, как не было никогда в жизни! – ответил он и, наклонившись, вдруг поцеловал ее руку.

Девушка резко встала, глаза ее метнули молнии, на щеках выступил румянец.

– Простите, но здесь не цирк! Ведете себя, как пятиклассник умственноотсталой школы.

С этими словами девушка повернулась и ушла. За ней ушел и долговязый стюард. Все опять расхохотались, а Андрей Комаров схватился за сердце и снова без чувств рухнул в свое кресло. Илье стало не по себе. Ему было неловко за этот дурацкий поступок, а когда к ним подошел тренер и сделал выговор в свойственной ему манере не выбирать особо выражений, Илье и вовсе стало стыдно.

– Ну мы же пошутили, Дмитрий Константинович! – занял Комаров, а Илья просто сказал:

– Извините нас, мы не подумали. Больше такого не повторится.

– Да я никогда не поверю, что это была твоя затея, Сафонов! Какой сукин сын придумал, а ну признавайтесь! – прошипел тренер.

Но тут самолет пошел на посадку и всех попросили занять свои места.

Илья пришел в аэропорт ровно неделю спустя. Сначала он долго бродил по залам отлета и прибытия, заходил в зал ожидания, в буфет, заглядывал в ресторан, но безуспешно: той красивой девушки он не видел. Он стал обдумывать другой вариант, как найти ее. Может, сходить в какую-нибудь специальную службу и навести о ней справки? Но как? Он ни имени, ни фамилии не знает. Илья присел на скамейку и вдруг увидел стайку симпатичных изящных стюардесс. Де-

вушки шли через зал, все в светло-голубых костюмчиках, белых блузках, белых перчатках, они тихо переговаривались и направлялись в сторону служебного департамента. Илья метнулся в их сторону, но уже издали он заметил, что той красавицы, которую ищет он, среди них нет. И тем не менее было уже горячо, можно что-то предпринять. Догнав девушек, он сразу же обратился к одной из них:

– Простите пожалуйста! Вы не могли бы мне помочь?

Все слегка приостановились и посмотрели на него.

– Говорите, у меня мало времени, – сказала хорошенькая белокурая девчушка.

– Я ищу одну из ваших коллег, она на волгоградских рейсах летает. Очень высокая, сероглазая, с длинными русыми волосами. Я имени не знаю. Как мне найти ее?

– Извините, на каких рейсах она летает? – переспросила девушка, а другие почему-то засмеялись.

– Понимаете, я летел из Волгограда на прошлой неделе, и она была на этом рейсе. Я хочу ее найти, но не знаю, как.

Девушки переглянулись. Одна из них вдруг сказала:

– Я знаю, кого он ищет, Машу Завьялову. Помните, она говорила, что ее поменяли, и целую неделю она летала в Волгоград?

– Вы уж извините, молодой человек, но мы не можем вам помочь. Мы встречаемся редко, поэтому вам лучше обратиться в справочное.

Девушка достала из нагрудного кармана пиджака визит-

ную карточку и протянула Илье.

– Вот, позвоните по этим телефонам, добавочный номер триста тринадцать. Вас соединят.

Илья поблагодарил отзывчивых стюардесс и направился к выходу.

«Значит ее зовут Маша», – подумал он и тут же нарек ее «Мария». Так ему нравилось больше. А фамилию на всякий случай он все же записал на обратной стороне визитки. Потом он вдруг подумал, что могло выйти и недоразумение, и ему назвали имя совсем другой девушки. Но у него не было никакого другого выбора, придется начинать с этого варианта.

Илья решил прийти домой и сразу же позвонить и навести справки. Он продумывал свой разговор, думал, что и как он скажет, как представится. Но когда он подошел к своему подъезду, то понял, что в ближайшее время разговор не состоится. У дверей его ждала Галя.

«Черт!» – ругнулся про себя Илья и даже не улыбнулся ожидающей его девушке.

– Давно ждешь? – вместо приветствия спросил он.

– Минут пятнадцать. Привет! Чего это ты не здороваешься? Пошли домой скорее, я пельмени купила, есть хочу ужасно! А ты?

– Я не голоден, – ответил Илья. – И вообще, ко мне прийти должны скоро, так что я буду занят.

Галя слегка приостановилась.

– Так может мне не ходить тогда к тебе? Я могу и завтра прийти, раз уж так...

– Как хочешь, – равнодушно ответил Илья.

Он вошел в квартиру, Галя за ним. Илья включил телевизор и уселся перед экраном.

– Илюшка, что случилось? Ты обиделся на меня за что-то? – спросила его подружка, стоя в дверях и не входя в комнату.

– С чего ты взяла? Просто устал, а тут эта встреча предстоит, ребята придут. Мы футбол хотели посмотреть.

– А-а-а, ну понятно. Ну я пойду тогда, ладно? Не буду вам мешать. Позвони мне, когда захочешь увидеться.

– Хорошо. Пока, – ответил расстроенной Гале Илья и закрыл за ней дверь.

Настроение у него испортилось. И настрой звонить и разыскивать Машу тоже пропал. Он разозлился на Галю. Чувство досады и разочарования овладело им. Он вдруг остро ощутил, что не любит эту девушку. Совсем не любит! И более того, она и не нравится ему вовсе. Галя немного располнела, совсем чуть-чуть, но это было все же заметно. Туфли она носила на низких каблуках, отчего ноги ее казались короткими и совсем не стройными. На голове вечно какие-то детские хвостики, никакой косметики. Что он в ней нашел?

Он тут же вспомнил Машу: высокая, тоненькая, ноги как струночки, ровные, стройные. Волосы длинные и блестящие, пушистые ресницы, большие глаза, красивые губы. Да, такая девушка конечно же вызывала в нем бурю чувств, и он твердо решил разыскать ее, добиться встречи, а потом порвать с надоевшей и нелюбимой больше Галей.

Визитная карточка лежала на столе, и Илья все никак не решался сделать этот важный телефонный звонок. А вдруг ничего не получится! Но наконец он собрался с духом и набрал номер.

– Диспетчерская! Говорите, – слышалось в трубке.
– Триста тринадцатый добавочный, будьте добры, – как можно увереннее сказал Илья.

Его соединили. Тут же послышались длинные гудки и снова кто-то ответил.

– Добрый день. Меня зовут Сафронов Илья, я разыскиваю Марию Завьялову. Вы не подскажете, когда я могу застать ее?

– Марию? А ее нет сегодня. Подождите, разнарядку посмотрю. А вы кто?

– Понимаете, я ее давний друг, одноклассник, приехал из Мурманска на несколько дней. Очень хочу повидаться, – вдохновенно врал Илья и надеялся, что это ему поможет. Вряд ли они стали бы наводить справки для совершенно постороннего человека.

Через пару минут ему снова ответили:

– Маша завтра будет здесь часа в четыре, перезвоните. Может, ей передать что-нибудь?

– Нет-нет, мне бы хотелось сюрпризом. Спасибо вам большое!

Илья так обрадовался неожиданной удаче, что даже подпрыгнул на месте.

– Есс! – выкрикнул он при этом и вдруг почувствовал, что ужасно голоден.

Он открыл холодильник и увидел пачку сибирских пельменей. Значит, Галя не забрала их с собой.

– Ну и славненько, – пробормотал Илья и поставил кипятить воду в маленькой кастрюльке.

Его совсем не мучила совесть, ему совсем было не жаль

Галю, да и что, собственно, произошло? Да, он ее обманул. Ну а что, лучше было бы сказать правду? Я, мол, влюбился в другую, поэтому иди домой, дорогая. Так что ли? Конечно, он ей все скажет, позже, когда встретит ту, о которой неустанно думал, и днем и ночью. Даже лежа в постели со своей давней подружкой, он все равно думал о той загадочной красивой девушке. Он даже помнил аромат ее духов, очень тонкий, едва уловимый, прелестный.

А у Гали на духи аллергия. От нее всегда пахнет земляничным мылом, ну в лучшем случае каким-нибудь шампунем. Но вот духами никогда. И это тоже упрощало Галю в глазах Ильи. Нет, не нужна ему эта простушка.

На следующий день в четыре часа Илья снова был на телефоне. Опять диспетчерская, опять добавочный и наконец его попросили подождать.

– Если сможет, подойдет, – сказали ему.

Илья стал ждать. Сердце его неистово колотилось, но он старался держаться уверенно. Вряд ли Марии понравится, если с ней начнет разговаривать какой-то мямля.

– Слушаю вас, – вдруг услышал он приятный нежный голос и сразу же понял, что это она. Все-таки пару слов она сказала ему в самолете.

– Здравствуйте, Маша. Я так счастлив, что нашел вас. Вам удобно говорить?

– Ну как вам сказать? Не очень. Это служебный телефон. У вас ко мне какое-то дело?

– Маша, простите ради бога. Постараюсь покороче. Я летел из Волгограда на прошлой неделе, увидел вас, и вот, решил разыскать. Вы мне очень понравились. Мы не могли бы встретиться, если конечно вы не против?

Девушка ответила не сразу. Илья терпеливо ждал и очень волновался. Но наконец он услышал:

– Вы извините меня, но я обслуживаю сотни пассажиров, и если хоть какая-то часть из них будет разыскивать меня таким образом, меня попросят уволиться. У меня нет времени с вами встретиться, извините, – сказала она и положила трубку.

Вот и все. Напрасны были все старания, бесплодны мечты. Илью аж в жар бросило. Поговорили, что называется. Ему и сейчас было тошно вспоминать то свое состояние, когда он чувствовал себя абсолютным самонадеянным болваном. Да и с какой стати, скажите пожалуйста, эта Маша должна была бы разговаривать с ним, совершенно незнакомым ей человеком и более того, соглашаться на встречу? Вот так запросто, по телефону.

Мысли Ильи вдруг перескочили на несколько лет вперед, и он вспомнил, как с ног на голову перевернулся весь мир, вся его жизнь, когда Мария могла уже вот так запросто назначать встречи. Однажды он приехал домой с соревнований, радостный, возбужденный, с огромной охапкой ромашек, зашел потихоньку в квартиру и услышал, как Мария разговаривает с кем-то по телефону:

– Ну вы и настойчивый! Ладно, записывайте адрес. Жду вас завтра в семь часов. Если опоздаете, я уйду.

И она продиктовала кому-то совсем незнакомый адрес. Илья ретировался и так же тихонечко вышел из квартиры.

«Что это за чертовщина? С кем она встречается, где, для чего?» – лихорадочно соображал Илья и успокаивал себя тем, что это какая-нибудь деловая встреча, ну что-нибудь в этом роде.

Он, как ни в чем не бывало, позвонил, и через минуту Мария открыла.

– Илюшка! Вернулся! Почему не сообщил? Я тебя раньше субботы не ждала.

Она небрежно поцеловала мужа и взяла из его рук цветы. Илья ни о чем ее не спрашивал, он думал, что Мария сама ему все скажет, но она молчала.

Уже поздно вечером, лежа в постели, Илья вдруг сказал:

– Завтра вечером пойдем сходим куда-нибудь. Кафе, ресторан, театр – куда ты хочешь?

– В театре сейчас нет ничего, Илюша. Лучше уж пошли поужинаем куда-нибудь. Часиков так в девять. Хорошо?

– А не поздновато? Почему в девять? Если уж идти, то самое позднее часам к восьми.

Мария задумалась.

– Ну хорошо, – сказала она немного погодя, – в восемь тогда. Раньше мне не собраться.

Илью снова поразило ее молчание, и он заподозрил недоб-

рое. На следующий день в половине седьмого он был уже на том месте, которое Мария назвала незнакомцу. Ничего особенного, жилой массив, отдаленный квартал, новостройка. Он подошел к дому и нашел подъезд, в котором была именно та квартира, которую назвала Мария.

— Кого ищешь, касатик? — услышал он голос пожилой женщины и оглянулся.

Сзади него стояла маленькая старушонка с авоськой и смотрела на него прищуренными, подслеповатыми глазками.

— Да вот, квартира девяносто пять. Но мне кажется, я заблудился. Дом какой-то не такой. Я был где-то в этом районе всего один раз и не помню точно.

— Девяносто пятая у нас не заселена. Тут дамочка одна кавалеров принимает, а ежели вы к ней, то не ошиблись, поднимайтесь на десятый этаж.

— Да нет, ну что вы! Я совсем не к ней, я точно ошибся, — пробормотал Илья и бросился прочь.

Ему стало тошно. Что за чертовщина! Мария, его Мария принимает кавалеров?! Да ну быть этого не может! Илья уговаривал себя успокоиться. Он ушел подальше от подъезда и скрылся за металлическими гаражами в конце двора. Отсюда не очень хорошо было видно, но другого ничего не было. Пришлось выглядывать из-за укрытия как шпиону.

Около семи часов к подъезду подъехало такси, из которого вышла она. Одета Мария была очень экстравагантно,

джинсовый костюм с очень узкой короткой юбкой, туфли на шпильке, волосы распущены, в руках дорогая кожаная сумка. Костюм из сумку Илья привез Марии из Польши, куда он возил на соревнования юношескую сборную.

Она расплатилась с таксистом, очень мило улыбнулась ему, а он поцеловал ей ручку. Затем она походкой манекенщицы направилась к подъезду и скрылась внутри.

– Я буду здесь в восемь! – услышал Илья голос таксиста, и холодный пот тонкими струями потек у него по спине.

А еще минут через пять к подъезду подъехала темно-синяя Тойота. Из нее вышел амбалистого вида мужчина в костюме кофейного цвета, видимо дорогом, и довольно легко для его комплекции взбежал по ступенькам и тоже скрылся в подъезде.

Илья обошел гаражи, затем подошел к дому и вдоль него направился к тому же подъезду, и через пару минут он был уже на десятом этаже у двери квартиры девяносто пять.

– А вы еще лучше, чем мне описывали, – услышал он через тонкую необитую дверь громкий мужской бас.

– Проходите, у меня очень мало времени, меньше часа.

Это уже говорила Мария. Что было потом, не известно. Он больше не услышал ни звука. Он топтался на лестничной площадке и не знал, что предпринять. Спустя полчаса Илья поднялся на один пролет и стал ждать. Еще минут через десять за дверью снова слышались приглушенные голоса. Мужчина и женщина о чем-то договаривались, наконец

открылась дверь и кто-то вышел, скорее всего мужчина.

– Я еще позвоню тебе. Это было что-то! – сказал он и вызвал лифт.

– До свидания. Рада была познакомиться, – услышал Илья голос жены, нежный, красивый и чуть не взвыл.

Он дождался, пока спустится лифт, затем проследил в окно, как амбал сел в машину и уехал. Одним прыжком он соскочил по ступенькам и стал неистово звонить в дверь. Он держал палец на кнопке звонка и не отпускал, пока дверь наконец не открылась.

Мария стояла перед ним все в том же костюме, только без туфель. Она смотрела на него огромными недоумевающими глазами и ничего не говорила. Илья рванул дверь на себя и ворвался в квартиру. Не дав жене опомниться, он размахнулся и изо всех сил ударил ее по лицу. Мария пошатнулась, схватилась за щеку, видимо ей было очень больно, и тихо сказала:

– Идиот!

– Ах ты проститутка! Значит вот до чего ты докатилась! – заорал Илья.

Он вошел в единственную имеющуюся в квартире комнату и обнаружил в ней разобранную тахту, покрытую шелковой розовой простыней, огромный букет роз в хрустальной вазе на маленьком столике. Еще в комнате был небольшой комод с несколькими ящиками, зеркало над ним. На комод-е стояли французские духи. На полу был ковер, на окнах

массивные шелковые шторы. У дивана стоял торшер в виде букета с поникшими головками лилий. Он был включен, и от него исходил мягкий загадочный свет, неяркий, слегка золотистый. В углу на тумбочке небольшой телевизор.

Обстановка конечно же располагала к интиму, любовным утехам и ни для чего другого не подходила.

– Ты мне можешь объяснить, что все это значит? – злобно спросил Илья, схватив жену за лацканы джинсового пиджака.

Она пыталась вырваться, сморщила лицо и молчала.

– Говори, а то убью! Не выводи меня!

– Отпусти сначала, – начала было Мария, но Илья снова ударил ее и одним рывком швырнул на тахту. Она упала, юбка задралась, и он увидел, что под юбкой у нее ничего нет.

Илья снова злобно выругался, метнулся в ванную комнату, где и обнаружил белье Марии, тоненькие кружевные трусики, колготки, здесь же были и ее туфли.

– Сука! – сказал он и сплюнул прямо на пол.

– Послушай, ты. Чего ты разошелся? – услышал он ее голос. – Иди-ка сюда, я скажу тебе кое-что.

Он вновь вошел в комнату. Она сидела на тахте с ногами, согнутыми в коленях. Она обхватила их руками и в такой позе начала беседу.

– Ты что, с луны свалился? Или ты думаешь, что мы живем и процветаем только благодаря твоим заработкам тренера? И машину тебе купили, и квартиру обставили, и оде-

лись-обулись, и едим по-человечески только на твою зарплату, да? Ты больной или совсем уж два и два сложить не можешь? – Мария говорила на слегка повышенных тонах.

– Да мне плевать на это! Я думал, что у нас семья, понимаешь? Мы оба работаем, дочь растет, все в порядке... А теперь что? Я узнаю, что моя жена продажная шлюха, и все это только для того, чтобы мы жрали колбасу, носили французские трусы и не ездили в автобусе! И что теперь, я должен до потолка прыгать от радости?

– Илюшка, ну не будь ты простачком. Твоя жена не шлюха. Я зарабатываю огромные деньги только тем, что помогаю мужчинам вновь полюбить своих жен, наладить свои семейные отношения. Я привожу их в нормальную сексуальную форму, но от меня лично они ничего не получают. Сексом я люблю заниматься только с тобой. А им достаточно просто все объяснить: женскую психологию например, или как стать для жены сексуальным и привлекательным. Знаешь, сколько мужчин среднего возраста переживают возрастной кризис и страдают от этого? Я им помогаю, консультирую и ..., – Мария не договорила, так как Илья нетерпеливо прервал ее.

– Это невыносимо! Ты что хочешь сказать, что ты их «консультируешь» вот так вот просто, морально, но без трусов, да?! А я потом трахаю тебя неизвестно после кого?

– Дурак! После кого ты меня трахаешь?! Ты что, так и не понял ничего?

Разговор шел по кругу. Илья пытался понять то, что хоте-

ла объяснить ему Мария. Но договориться они так и не смогли. Она настаивала на том, что объяснять про секс и заниматься сексом – это разные вещи, но он не соглашался.

И наконец ей пришлось прибегнуть к самой крайней мере. Она показала ему какой-то американский эротический ролик. Это был настоящий спектакль, где искусно демонстрировались все женские прелести, изысканные позы, ласковые прикосновения к телу, в результате чего было сразу понятно, чего хотят от мужчин женщины, и как они должны их ласкать и любить, чтобы доставлять наслаждение не только им, но и себе.

Илья застонал от возбуждения, он набросился на свою жену и в буквальном смысле изнасиловал ее, наверное первый раз в жизни так грубо и бесцеремонно.

– Ну теперь ты понял, какими они возвращаются домой к своим женам после моих консультаций? Вот и все. И весь бизнес.

До Ильи стал медленно доходить смысл всей этой затеи. И все же он не унимался.

– Но ты же, пардон, без нижнего белья! И койка разобрана. Это как прикажешь понимать? Консультации вживую, на собственном, так сказать примере?

– Илюша, прекрати нести бред! Постель разобрана для меня, я хотела просто отдохнуть, приняв перед этим душ. Эти консультации не такая уж приятная и легкая вещь. Вспотеешь десять раз, пока постороннему человеку что-ли-

бо разъяснишь из интимной сферы. С тобой-то я вон сколько объясняюсь уже, а ты все упираешься рогом, что ты прав, а я нет! Так и они, не хотят себя винить в том, что отношения с женщинами портятся по большей части по их вине.

Но Илья не мог поверить во все, сказанное Марией, до конца. Тогда она решилась на последний шаг.

– Вот, на, смотри! Это договор, который клиент заключает с нашим центром психологической реабилитации. Здесь черным по белому написано, что во время сеанса клиент не имеет права даже пытаться вступить в какой бы то ни было телесный контакт с консультантом. Он даже дотронуться до меня пальцем не имеет права, чтобы не попасть под суд. И вот его подпись. Хотя я не должна бы тебе этот договор показывать, я нарушаю «врачебную этику», но хочу тебя убедить.

Илья смягчился немного, прочитав некоторые пункты контракта, но шок от того, чем занимается его жена, не проходил.

Мария уже несколько лет не работала стюардессой. Илья настоял. Он ревновал ее, когда она улетала и не возвращалась домой сутками. Он знал, что весь экипаж ночует в аэропортовых гостиницах, летчики, штурманы, стюардессы. Его трясло от мысли о том, что кто-то, возможно, пристаёт к его жене, домогается ее. Одним словом, он уговорил Марию поменять работу.

Тогда она и устроилась в этот центр психологической ре-

абилитации. Сначала она закончила курсы массажистов, научилась делать массаж, причем очень хорошо, это Илья испытал на себе, и нашла работу в центре. Платили там совсем неплохо, клиентами были в основном женщины, что вполне устраивало Илью.

Но как оказалось, владелица центра, она же директор, предприимчивая и с прогрессивными взглядами женщина, почти десять лет прожившая с мужем в Америке, решила расширить поле деятельности. Она привезла из Америки фильм с интригующим названием «Покажите мне это», который вдохновил ее на то, чтобы организовать при центре новый вид услуг. Ну совсем как в Америке.

Услуга заключалась в том, чтобы помочь сильным здоровым мужчинам вернуть их сексуальный потенциал, дать им возможность снова полюбить своих жен, почувствовать в них женщин при помощи специально подготовленного для этих целей фильма и при психологической поддержке консультанта-сексолога.

Таким консультантом выступала Мария. Алина Аркадьевна, инициатор этой идеи, провела с ней подготовительную беседу. Они вместе еще и еще раз просмотрели фильм. В Америке, оказывается, существуют такие центры. Так почему бы и нам не попробовать? Готовились долго, нужен был моральный настрой, серьезное понимание цели, правильное выполнение функций. Наконец, Мария созрела. Деньги Алина Аркадьевна предлагала очень приличные, так что отка-

зваться было бы совсем уж глупо. Пришлось пойти на еще одни курсы, освоить азы и начать практиковать.

Ну а вскоре дело пошло. Дали рекламу, совсем небольшую, в нескольких газетах и журналах, но обвал телефонных звонков был такой, что хоть еще одного консультанта ищи.

– Если хотите совет, милочка, – сказала Марии Алина Аркадьевна, – не посвящайте мужа. Ни к чему ему знать, чем вы занимаетесь. Он все равно поймет все неправильно, и тогда затея потерпит крах. А искать кого-то еще я не хочу.

Алина Аркадьевна нашла квартиру в новостройке, подходящую для приема клиентов, и сказала Марии:

– Обставьте на свой вкус. Очень важно, чтобы вы чувствовали себя там как в своей тарелке. Но учтите, это бизнес, работа такая. Ни для каких иных целей эта квартира использоваться не должна.

Клиентов записывала на прием и отправляла к консультанту сама Алина, ей же они платили деньги за услуги. Но вот в этот раз один из страждующих каким-то образом узнал домашний телефон Марии и решил договориться с ней напрямую. Собственно, как раз в это время Алина Аркадьевна была в краткосрочном отпуске, и Мария вела дело самостоятельно. И хотя она обязана была принимать звонки только в центре, она нарушила правило, и горько поплатилась.

Это тоже она пыталась объяснить Илье. Тот слушал жену и смотрел на нее уже совсем другими глазами. Как будто

у нее изменилось лицо, цвет кожи, как будто это и не она вовсе рядом с ним.

– Я не хочу, чтобы ты этим занималась! – наконец сказал он. – Увольняйся к чертовой матери из этого центра, найдешь себе другую работу. Я не смогу спокойно дышать, когда ты будешь уходить из дома и заниматься тут черте чем, как...

– Ну хватит уже! Если ты так ничего и не понял, то мне больше нечего сказать. Хорошо, я уволюсь. Только мне кажется, что твоя твердолобость рано или поздно даст о себе знать. Ты так и будешь заниматься самокопанием, и испортишь нашу жизнь. А я буду виноватой.

– Не буду. Не такой уж я болван. Но запомни, ни одного постороннего мужчины рядом с тобой отныне быть не должно! Иначе...

– Ну вот, я так и знала, – безнадежно вздохнула Мария и пошла в ванную одеваться, а Илью опять захлестнула горькая, тяжелая и мутная волна ревности. Он знал, что не сможет простить жену, по крайней мере в ближайшее время.

«Как, как она могла? Она была такая правильная, такая искренняя, так любила меня!» – думал Илья с болью в душе.

Мысли снова метнулись назад. Он вспомнил их первое свидание, которого он добился с таким трудом. Мария долго не соглашалась, сердилась на его звонки, но он настойчиво продолжал звонить и умолять ее о встрече.

– Милая Маша, я прошу вас, умоляю. Когда хотите и куда хотите, я приду, примчусь, даже для того, чтобы услышать от вас «нет», но вдруг мне все же повезет, и я вам понравлюсь?

Маша расхохоталась и сдалась.

– Ладно, раз уж вы такой настойчивый, придется сказать вам «нет» при личной встрече, а то на меня уже тут косо смотрят с вашими постоянными звонками.

В ближайшее воскресенье они встретились. Она пришла к нему на свидание в красивой мутоновой шубке, белых сапожках, такая удивительная и прекрасная, что у Ильи аж дух захватило. Он ждал ее с букетиком подснежников, высокий, с иголочки одетый, очень представительный и серьезный.

– Я вас вспомнила! – сказала Мария, подойдя к нему. – Это ваш друг разыграл тогда спектакль в самолете. Признавайтесь, ваша идея? – спросила она со смешинкой в голосе.

– Машенька, клянусь вам! Это не я, я бы не посмел... хотя...

Они засмеялись, и Маша сразу же взяла его под руку. Она

поблагодарила за цветы, и они пошли по улице, болтая без умолку обо всем на свете. Было здорово, так здорово, что сердце у Ильи просто пело от счастья. Он влюбился сразу же и всерьез.

Примерно недели через две Илья осмелился пригласить Машу к себе, и в эту ночь она от него не ушла. Она сама попросилась остаться, подойдя к нему близко-близко, обняв его за шею и прикоснувшись губами к его щеке.

– Я не хочу уходить, – прошептала она, – можно я останусь у тебя, с тобой, можно?

Илья нежно обнял ее, потом взял на руки и отнес в спальню. Она очень красиво, медленно разделась прямо у него на глазах, потом встала совершенно голенькая на кровать и спросила:

– Я тебе нравлюсь? Я в твоём вкусе?

– Девочка моя, – сказал Илья не своим голосом, – ты такая очаровательная, я безумно люблю тебя...

Потом он приблизился к ее ногам и стал нежно и страстно целовать их. Мария села. Она провела рукой по его жестким упругим волосам, а он уже терял чувство меры. Он ласкал ее так страстно, с такой любовью, что она не сопротивлялась и не противилась ничему. Она разрешала ему все, поощряла любой порыв и довела его тем самым до того, что он в безумной страсти, со стоном овладел ею и ощутил невероятный экстаз, долго и трепетно наслаждаясь своей любовью.

Все закончилось внезапно, но с такой мощью, что оба за-

стонали от наслаждения, еще сильнее прижались друг к другу, а затем судорожно, почти без сил вернулись в реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.